

Алейн Эмильен

Взгляд на Миллион

Алейн Эмильен
Взгляд на миллион

«БууксНонСтоп»

2023

УДК 82-31
ББК 84(2)6

Эмильен А.

Взгляд на миллион / А. Эмильен — «БууксНонСтоп», 2023

ISBN 978-5-9965-2441-9

Эта книга о самом прекрасном человеческом чувстве, о любви... Действие романа происходит в 1977 году в Париже, в провинции Шампань и Лондоне. Чудесная история любви начинающего художника Мартина и «девушки в летящем белом платье» Сьюзен, проходит немыслимые испытания – самопожертвование, расставание, поиск себя, кровавое преступление и попытки разоблачения... Влюблённые обманом втянуты в чудовищную авантюру, так называемого мастера по написанию уникальных картин, Генри Говарда. Он нанимает молодых одаренных художников для создания женских портретов с необычайно выразительными, завораживающими взглядами, предлагая многообещающим мастерам раскрыть секрет портрета на миллион долларов... Книга изобилует множеством увлекательных, больших и маленьких, параллельных сюжетных линий, что раскрывает характер каждого героя и создаёт общую картину произведения, а уникальный авторский художественный стиль с первой минуты дарит необыкновенное вдохновение и переносит в мир красоты, романтики и любви... Сюжет захватывает, интригует и держит в напряжении от начала до самого конца. «Каждая история, по моему убеждению, имеет право на воплощение на экране. Эта достойна осуществления, как проект для кинофестивалей в формате авторского полнометражного кино. Желаю автору творческих успехов!» Е. Динов. (Продюсер, сценарист, режиссер, писатель, актер)

УДК 82-31
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-9965-2441-9

© Эмильен А., 2023
© БууксНонСтоп, 2023

Содержание

Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	41
Глава 12	44
Глава 13	48
Глава 14	52
Глава 15	58
Глава 16	62
Глава 17	66
Глава 18	70
Глава 19	73
Глава 20	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Алейн Эмильен

Взгляд на миллион

© Алейн Эмильен, 2023

© BooksNonStop, 2023

*Вновь взгляд рождает вдохновение,
И невозможно не писать,
Нельзя стихи приказать,
Остановиться на мгновение!*

*...Живые нити хрупкой грани,
Фантазии и естества,
Как в отражении зеркальном,
И в параллельном и реальном,
Почти мистически сакральном,
Почти земного божества...
И утонченность строгих линий,
И этот долгий добрый взгляд,
Как будто шепот белых лилий,
О волшебстве улыбки милой,
Тебе не громко говорят...*

Эта книга посвящается...

*...Всем милым, добрым и наивным,
Горячим, страстным и смешным,
От счастья вечно молодым,
И от любви всегда красивым...
Я вам желаю жить в мечте.
Как счастьем теплым укрываться,
Мечтам ведь свойственно сбываться,
А искренним мечтам, вдвойне!*

*С уважением и наилучшими пожеланиями.
Автор.*

*Да, кстати...
Интриги, слёзы и прекрасное вино,*

*Богини-женщины и волшебство портрета,
Вот истинные Авторы сюжета,
Что на страницах книги ждут тебя давно...*

«Хочу выразить особую признательность и благодарность за плодотворное сотрудничество Издательско-Продюсерскому Центру BooksNonStop и, в частности, главному редактору, Чернышеву Дмитрию Васильевичу, и корректору Татьяне Борисенко».

... Удивительный, изумрудно-серебристый и одновременно манящий и чарующий оттенок её волшебных глаз сводил с ума и завораживал, словно ты вдруг очутился в наполненной невероятным светом и теплом лесной чаще, выбраться из которой нет уже ни сил, ни желания... Длинные, густые ресницы создавали иллюзию испуганно вспорхнувших райских птиц, и, казалось, не было большего счастья, чем просто наслаждаться возможностью видеть это...

Часть 1

Мартин Адамс

Глава 1

Торопливо собираясь в скромной, похожей на келью студентасеминариста, комнате, молодой человек ловил себя на мысли о том, что именно сегодня должно произойти что-то необычное и значительное, благодаря чему жизнь его наконец-то изменится. Времени оставалось мало, и требовалось настоящее мастерство перевоплощения, чтобы, надев одиноко висящий в дальнем углу старого платяного шкафа смокинг, почувствовать себя самодостаточным и уверенным в себе мужчиной. Но, как он ни старался, неподдающийся чёрный шёлковый галстук-бабочка всё-таки вывел его из равновесия.

«Дурацкие правила», – пронеслось в голове.

Аккуратно упаковав и прихватив с собой какой-то плоский прямоугольный предмет, мужчина несколько раз щёлкнул зажигалкой, но закурить так и не смог... Не застёгивая плаща, он выбежал на улицу, где его ждали мелкий моросящий дождь и тёплый вечерний воздух. Миновав два квартала и на ходу стараясь поправить впивающиеся в область запястья из-за неудобного ремешка часы, он оказался на мосту через канал и снова попытался закурить. Усиливающийся ветер чуть не вырвал заветный свёрток у него из рук, и молодой человек поспешил продолжить путь.

Фонари освещали мокрый асфальт, в лужах отражались стоптанные и уже далеко не модные ботинки. В эту минуту он вполне походил на дипломата или лауреата какого-нибудь конкурса, который в спешке забыл причесаться. Зонт не был обязательным аксессуаром его скромного гардероба, поэтому он старался добраться до места как можно скорее, пока дождь и ветер окончательно не превратили его торжественный вид в жалкое подобие преуспевающего джентльмена...

Размышляя о сегодняшнем вечере, он вдруг вспомнил себя шумным, озорным мальчишкой, бегающим наперегонки с сыновьями местных владельцев магазинов и торговых лавок по запруженным машинами и суетливыми туристами мостовым изогнутых улиц, радуясь тому, что отец и дядя Сэм взяли его с собой в Париж...

Мужчина прошёл ещё несколько кварталов и, свернув в переулок возле самой набережной, остановился около старинного здания, похожего на королевский дворец в миниатюре. Величественный особняк со шпилями и башнями в готическом стиле был почти не освещён. Изредка по стенам его пробегали резкие, яркие, загорающиеся и тут же гаснущие вспышки красных, голубых и жёлтых огней от фар проезжающих мимо машин.

«Не успел», – подумал молодой человек, глядя на потухшие фонари и закрытые двери парадного входа. В темноте обойдя здание и заметив примыкающую к нему каменистую дорожку из полуразвалившихся ступеней, он решил воспользоваться ею и всё-таки попытаться попасть внутрь. Лестница запасного входа вела на цокольный этаж, и если снизу кто-то поднимался, то необходимо было сначала дожидаться, пока все выйдут из этого странного подземелья, и только потом спуститься... С каждой ступенькой всё сильнее начинало казаться, что ты погружаешься на дно глубокого чёрного колодца... Неожиданно заслышав звуки приближающихся шагов, мужчина остановился на полпути, собираясь уступить дорогу...

Навстречу неторопливой походкой двигался человек. Ещё через минуту незнакомец поравнялся с мужчиной в смокинге и, одобритительно кивнув, будто здороваясь, поднялся на

следующую ступеньку. Незнакомец вышел на улицу, и было слышно, как поблизости резко затормозила машина и хлопнула дверца автомобиля.

«Интересно, он уже уезжает или кого-то встречает?» – думал молодой человек, собираясь снять с заветного свёртка – своей единственной драгоценности – плотную матерчатую упаковку, словно готовясь предъявить некий пропуск на сегодняшнюю «тайную» встречу.

Почему-то именно сейчас не хотелось торопиться. Ему нравился этот дом: он напоминал старинный заброшенный замок.

Тяжёлая железная дверь открылась медленно и со скрипом. Где-то под потолком звякнул, словно проснувшись, медный колокольчик.

– Ваш пригласительный и плащ, месье, – донеслось откудато из темноты, и в слабых проблесках света стала видна фигура, требовательно протягивающая свою руку.

– Да, конечно...

После этих слов фигура стала удаляться и через какое-то мгновение исчезла совсем, словно растворилась в тени выступающих и удивляющих своей несимметричностью стен.

Молодой человек, не торопясь, прошёл по длинному коридору, вдоль которого располагались узкие, высокие электрические фонари, выполненные в стиле оригинальных фигурных подсвечников. Они горели тусклым, мерцающим светом и всё больше напоминали тлеющие угольки в потухшем камине. Плитка на полу была местами разбита, и под подошвами ботинок то и дело хрустела земля и щёлкали мелкие камешки. Ещё через пару минут показался небольшой квадратный зал, где по периметру помещения высились прозрачные стеклянные колонны, внутри которых на каких-то совершенно невидимых нитях, словно в воздухе, висели изумительные картины местных художников. В зале царил полумрак, каждая картина периодически подсвечивалась с разных сторон, благодаря чему возникала иллюзия движения. Гостей в этот раз было немного, но, как и раньше, все они соблюдали принятые в этом обществе негласные правила. Мужчины были в смокингах, дамы – в шикарных вечерних платьях и дорогих украшениях. Официанты добавляли обстановке утончённости и шарма. Игристое вино в бокалах рождало предвкушение праздника. Благодаря маскам на лицах, раскованности в словах и действиях было гораздо больше, чем от самых изысканных вин, которые были выпиты в этот вечер. Приглашённые гости, которые как бы нехотя рассматривали картины, не казались знатоками искусства, а долетавшие фразы об «акциях» и «фьючерсах» окончательно убеждали в том, что эта мирная на первый взгляд, но такая непредсказуемая «стая глубоководных акул» бизнеса «приплыла» за очередной порцией адреналина и новой крови.

Какое-то время мужчина стоял в нерешительности на пороге зала, переминаясь с ноги на ногу и наблюдая за тем, как медленно начал гаснуть свет и присутствующие стали занимать свои места.

В эту минуту помещение действительно казалось заброшенным подземельем. Это было и таинственно, и жутковато одновременно. Молодой человек прошёл вперёд и стал у стены, возле прозрачной стеклянной колонны. Наконец направленный луч света оживил квадратную залу, выхватив стоящую на возвышении картину. Это был портрет женщины.

– Я думал, ты уже не придёшь, – донеслось с крайнего кресла второго ряда. – Как видишь, для тебя даже места не осталось. Так что стой и просто смотри. Хотя даже за это желающие деньги платят. Принёс? – человек из полумрака едва заметно вопросительно кивнул и, не дождавшись ответа, развернувшись вполоборота, продолжил: – Ладно, смотри, после договорим.

– Прости, что опоздал, Джонни, – шёпотом ответил молодой человек, поправляя смокинг и приглаживая непослушные волосы.

...Экран на подиуме, возле которого стояла картина в золочёной раме, в какой-то момент стал похож на большое солнце, одновременно обнажая контуры загадочного изображения, как будто прямо на твоих глазах проявлялась цветная или чёрно-белая плёнка.

Сначала ты ничего не видишь, и поверхность кажется пустой и безжизненной. Но проходит секунда – и перед тобой начинают возникать очертания необычайно красивой женщины, и ты не понимаешь, иллюзия это или реальность. И только сам автор знает истинную природу этого волшебства...

На экране во всём великолепии предстала картина, что была закреплена на мольберте, на подиуме... Судя по всему, это было придумано специально для того, чтобы её могли как следует рассмотреть.

Замкнутое пространство, отсутствие окон, полумрак и лица в масках – всё это заставляло сосредоточиться только на том, что находилось прямо перед тобой. Спустя несколько мгновений портрет на экране стал наполняться красками.

– Боже, Джонни, какой взгляд! – сказал стоявший у стены молодой человек, едва удержавшись, чтобы не шагнуть к картине.

– Это именно то, о чём я тебе говорил! Если бы ты пришёл раньше и мы выпили с тобой по бокалу шампанского, то девушка на картине показалась бы тебе просто богиней.

У самого входа в зал стало заметно какое-то движение. По всей видимости, это возвращался тот самый незнакомец, который несколькими минутами раньше поднимался по лестнице. Рядом, опираясь на его руку, шла миловидная дама. Извиняясь и перешёптываясь, они заняли свои места.

– Очень жаль, Кларис, что тебя задержали на службе, – сказал незнакомец. – Хотелось прогуляться с тобой по набережной.

– Не могу поверить, Франсуа. Изображение на портрете – это что, реальная женщина? Невероятно!

– Я сам поражён. И, честно говоря, не ожидал в этой галерее такое увидеть! Джонни был вчера у нас в банке с приглашениями для Роджера и Даниэля и просто обмолвился, что будет интересный показ, но вот что конкретно будет представлено, не сказал. Сюрприз удался, надо отдать ему должное. Жаль только, что Роджер не сможет почтить нас своим присутствием. Он отдал мне свой пригласительный, а сам сегодня утром спешно улетел по делам в Страсбург с каким-то очень странным типом. Зато Даниэль здесь. Лишь бы он не напился, как в прошлый раз, когда ему поручили выступить с речью, а он чуть не свалился с подиума, потому что засмотрелся на жену Роджера, красавицу Марго. Да, карьера Роджера продолжает набирать обороты. Похоже, у него появился личный телохранитель, и именно с ним он улетел в Страсбург. Надо спросить об этом у Джонни. Как ни странно, но Джонни знает всё – ну, или почти всё, – что происходит в этом городе.

– Неудивительно, – отметила Кларис. – Он хозяин галереи *Vieux Château* («Старый замок»), и у него здесь бывает так много разных людей.

– Ты права, – согласился Франсуа и, снизив голос, спросил: – Как дела у Митчелла? У него не было желания сегодня здесь попридти? Он смог бы зайти и без пригласительного.

– Он не любит такие мероприятия. Ему здесь было бы скучно, – ответила Кларис и надела похожую на причудливый по форме цветок, с оттенками глубокого голубого перламутра, маску.

– Вот и хорошо. Дал тебе, наконец, возможность немного отдохнуть и расслабиться. Кстати, тебе очень идёт эта маска. Ты в ней – само очарование! – и Франсуа с улыбкой посмотрел на свою блистательную спутницу.

– Значит, это благодаря Роджеру мы сегодня здесь, ну что же... – продолжила Кларис и с лёгким разочарованием взглянула на Франсуа.

Начинался аукцион. Ведущий, как всегда, безупречно и профессионально подогрел внимание собравшихся, а соответствующий моменту бархатный тембр голоса создал необходимую атмосферу, объединяющую членов тайного общества. Минуту спустя был объявлен первый лот – тот самый портрет обольстительной незнакомки, который вот уже несколько минут находился на подиуме и всё сильнее притягивал взгляды и поражал воображение каждого, кто

смотрел на картину. Портрет подсвечивался то сверху, то снизу, выхватывая самые яркие и удачные фрагменты. Складывалось впечатление, что прямо перед тобой находится реальный человек, который смотрит на тебя удивительным, пронизывающим насквозь, взглядом. Взгляд шёл откуда-то из самой глубины человеческого сознания и, проникая прямо в душу и сердце, просто сводил с ума. Женщина на портрете была в лёгкой, едва заметной изящной маске, и волшебство образа просто не поддавалось описанию. Это было сродни какому-то откровению. Здесь были и магия, и чувственность, и безудержное влечение... В зале происходило что-то невероятное, стоимость картины росла с фантастической скоростью. Желающих приобрести уникальный портрет необыкновенной по красоте и обаянию женщины оказалось немало. В результате торгов он был продан за пятьдесят тысяч франков.

Глава 2

– Джонни, это не сон? – спросил молодой человек у хозяина галереи, полноватого и низкорослого джентльмена, который в этот момент с удовольствием принимал поздравления у восхищённых и находившихся вне себя от увиденного участников аукциона... – Кто автор? И как долго он писал этот удивительный портрет?

– Ты задаёшь неправильный вопрос, Мартин. Не «как долго» он писал, а как долго он искал эту потрясающую натурщицу и создавал свой неповторимый стиль. А вообще для настоящего художника время не имеет значения. Важна только сама сущность того, что он пишет.

«Как он смог создать такое? Невозможно представить, что портрет написал обычный человек. В этом взгляде столько страсти, жизни и экспрессии».

– Кто же всё-таки автор?

– Мартин, где ты был? Ведущий несколько раз называл его имя – Генри Говард. Он сегодня последний день в Париже и завтра улетает в Англию. Кстати, я слышал, Генри собирается давать уроки живописи в Лондоне, но приглашает на свои занятия не всех. Для него важно, чтобы кандидат был перспективным...

– «Перспективный» – значит талантливый и богатый? Если так, то это точно не про меня.

– Мартин, талант – безусловно. Но талант и плата за обучение – это ещё не всё. Надо постараться понравиться Генри. Можно сказать, что он видит человека насквозь. Попасть к нему в ученики при желании, в общем-то, не так уж и сложно... Если сможешь показать себя, то сначала, конечно, он на тебе заработает, ну а потом, если поймёшь что к чему, сможешь заработать и ты.

– Как это? Не понимаю, – и Мартин вопросительно посмотрел на Джонни.

– Хочешь, после аукциона я вас познакомлю, и тогда ты сможешь сам у него об этом спросить?

– Джонни, не знаю, что и сказать... Благодарю тебя за всё, что ты для меня делаешь, – ответил Мартин. – Когда-нибудь я обязательно с тобой за всё рассчитаюсь.

– Само собой. Скажи спасибо Марго, которая непонятно почему так настойчиво тебя рекомендовала. Впрочем, если вы знакомы, это многое объясняет. – При этих словах Джонни улыбнулся.

– Я уже говорил: мы незнакомы. Просто однажды она увидела, как я рисую в кафе и предложила обратиться к тебе в галерею. Вот и всё.

– Успокойся, Мартин. Я помню об этом и ни на что не намекаю. На прошлом аукционе мы с ней много говорили о начинающих художниках и о том, как им приходится нелегко в наше время. Она вскользь упомянула о тебе, сказав, что у тебя большое будущее и к тебе стоит присмотреться.

В этот момент к ним подошёл официант и, услужливо поклонившись, предложил шампанское.

– «Большое будущее»? – Мартин удивлённо посмотрел на Джонни, потом на сверкающее золотом шампанское, затем перевёл взгляд на экран, рядом с которым всё ещё стоял портрет прекрасной незнакомки, и на минуту задумался. Он снова вспомнил себя маленьким мальчиком, но уже не на улицах города, а среди густых зарослей отцовского виноградника. Его отец, Грегор Адамс, не был виноделом, но зато он выращивал изумительный виноград. Мысли уносили Мартина всё дальше... и он уже «чувствовал» терпкий и одновременно сладковатый вкус ягод, словно снова вернулся в детство.

– Это всё – мазня! – говорил отец про тягу Мартина к рисованию. – Чтобы чего-то добиться в жизни, нужно изо дня в день делать настоящее дело.

Надо сказать, отец свято в это верил, хотя сам мало преуспел. Виноградник не стал «золотой жилой». Хоть земли в провинции Шампань на северо-востоке страны близ старинного городокрепости Седан, или, как его ещё называли, «ключа к Франции», и были благодатным местом, но, тем не менее, урожаи целиком и полностью зависели от «прихотей» и «настроения» переменчивой погоды.

У Грегора не было машины, и за виноградом всегда приезжал его компаньон Сэм. Мартин – тогда ещё мальчишка – вставал на подножку небольшого фургончика и так ехал километров десять, проезжая местную школу на пятнадцать учеников, старый пруд и несколько полузаброшенных домишек возле выгнувшегося дугой, покосившегося от времени бревенчатого моста. Потом Сэм сворачивал к себе на ферму, где располагалась небольшая винодельня, а Мартин спрыгивал с подножки автомобиля и возвращался домой уже за полночь, зная, что получит хорошую затрещину от отца и нагоняй от расстроенной матери за столь длительную и самовольную отлучку.

Сэм научил его водить машину и, по мере взросления юного Мартина, недвусмысленно намекал, что им с отцом неплохо было бы обзавестись простеньким грузовичком и самостоятельно привозить собранный урожай к нему на винодельню. Отец понимал, что доставлять виноград после сбора урожая и начинать готовить вино нужно как можно быстрее и очень переживал за качество готового напитка, но позволить себе купить автомобиль за всю жизнь так и не смог. Грегор постоянно рассказывал и показывал Мартину как следует заботиться о виноградунике, искренне надеясь, что когда-нибудь сын продолжит его дело.

После встреч с деловыми партнёрами в Париже, на обратном пути, Сэм обязательно заглядывал к Грегору. Пользуясь случаем, отец просил компаньона, чтобы тот брал уже повзрослевшего Мартина на винодельню посмотреть, как делается вино, а заодно постараться убедить его, в конце концов, остаться в Шампани.

Тем не менее, попытки не увенчались успехом. Мартин знал, что никогда не будет относиться к этому делу так, как его отец – со всей любовью и пристрастием.

Порой ему казалось, что виноградник отец любит больше, чем собственного сына и жену Софи. Частенько Мартин наблюдал за тем, как нежно Грегор обнимает виноградную лозу, пострадавшую от урагана или засухи, словно любящий муж и отец – свою семью.

В винах Грегор разбирался как бог, особенно в тех, которые были изготовлены из его винограда. Когда подходило время ужина, он всем наливал по бокалу и долго рассказывал, как «важно в этой жизни трудиться не покладая рук», потому что вино – «оно как мёд, который без устали собирают неутомимые пчёлы».

Мартин не был готов к такому изнурительному каждодневному труду и совсем не хотел провести всю свою жизнь согнувшись в аллеях и зарослях отцовского винограда. Увидев красивую, сверкающую живым изумрудным блеском, извивающуюся лозу или попробовав глоток «божественного напитка», как любил говорить Грегор, Мартин мог рисовать не останавливаясь. Вино действительно было самого высокого качества, и это каждый раз будоражило его воображение. Яркие гроздья в лучах утреннего солнца пробуждали в нём только одно желание – рисовать.

Грегор посмеялся в очередной раз, сказав, что всё это – «блажь и глупости», и Мартин должен в первую очередь думать о мужском и сыновнем долге и просто обязан выкинуть из головы всю эту «никчёмную и ненужную мазню».

Несмотря на то, что Грегор не разделял интересов сына, Мартин любил и уважал отца за его бесконечное самопожертвование и стойкую веру в то, что, как бы ни было тяжело, виноградник должен жить!

Последнее время отец много болел, урожаи становились всё беднее, виноделы приезжали за новыми партиями винограда всё реже. Очередная потеря урожая из-за капризов погоды окончательно выбила Грегора из колеи, и он слёг. После смерти мужа Софи долго не могла

оправиться, одновременно безуспешно пытаясь продать дом с виноградником, чтобы затем перебраться в Париж, поближе к Мартину... Время шло, а покупателя всё не было, и ей, в конце концов, пришлось остаться в родном доме, где она тридцать пять лет прожила с человеком, влюблённым в виноградник, вырастила сына и сохранила память о былом счастье и волшебных днях.

Глава 3

– Мартин, ты идёшь? И мне не терпится узнать, что у тебя там? – Джонни настойчиво тянул юношу за рукав, изо всех сил пытаясь обратить на себя внимание.

Тот ответил не сразу, продолжая смотреть на пустой экран, словно это было его сознанием, в глубине которого он зацепился за что-то давно потерянное и забытое, но такое родное. Наконец его взгляд сфокусировался на Джонни.

– После того, что я сегодня увидел, даже не знаю, – сказал Мартин.

– Хорошо, давай я передам на время это пока своему помощнику Себастьяну в хранилище, потом мы сюда вернёмся. Пойдём, я познакомлю тебя с Генри.

Из соседнего зала доносились звуки чудесной мелодии вальса Штрауса. Аукцион подходил к своему логическому завершению.

Всё ещё находясь под впечатлением от увиденного, Мартин скорее машинально пошёл за Джонни, который увлекал его в кипящий водоворот событий.

– Генри, позволь представить тебе очень интересного молодого человека, – проговорил Джонни и слегка подтолкнул юношу к джентльмену, который, не обращая никакого внимания на присутствующих, продолжал что-то записывать в изящную серебристую книжечку.

– Мартин – тоже художник, он только начинает, пробует себя. У него к тебе масса вопросов. Господа, вы не будете против, если я вас оставлю? – нарочито вежливо спросил Джонни, тут же переключившись на окружающих и одновременно высматривая рыжеволосого джентльмена, который, явно перебрав спиртного, пытался обратить на себя внимание одной из присутствующих здесь дам... Затем Джонни поклонился и, не дождавшись ответа, поспешил удалиться.

Генри Говард, видимо, был человеком немногословным. Никак не отреагировав на вопрос, он повернулся спиной к Джонни, оказавшись прямо напротив Мартина. Это был высокий мужчина лет пятидесяти с болезненно худым лицом и взглядом таким глубоким, что, казалось, будто ты проваливаешься в какую-то бездну. Мартин впервые видел человека, который общался одним только взглядом.

– Рад знакомству, – проговорил он и протянул руку, чтобы поздороваться.

Ответив на рукопожатие, Генри изучающе посмотрел на симпатичного, провинциального, как ему показалось, молодого художника, внешне похожего на известного английского политика-реформатора девятнадцатого века Артура Этерли, чей портрет однажды был представлен в одном из американских музеев.

В следующую минуту Генри Говард взял два бокала шампанского с подноса подобострастно склонившегося и весьма услужливого официанта, больше похожего на осведомителя или детектива.

«Какой необычный вид у этого официанта, – решил Мартин, – колкие, узкие глазки и очень серьёзное лицо, как будто он кого-то боится».

Один бокал Генри вручил Мартину, второй приподнял в знак приветствия... Он всё делал медленно и деликатно, словно эти движения были элементами танца. Ощувив свежий и бодрящий вкус изумительного шампанского и придя в себя от сиюминутного замешательства, Мартин набрался смелости и спросил:

– Скажите, Генри, как вам удалось написать такой потрясающий портрет? В чём секрет? И кто эта женщина? Она – профессиональная натурщица?

Генри смерил юношу взглядом, словно оценивал его потенциал в этой жизни, затем задал встречный вопрос:

– Вы действительно хотите это узнать?

Мартин смотрел в лицо Генри, и мысли начинали путаться. Его поразил на удивление низкий голос этого загадочного англичанина, который говорил по-французски почти без акцента.

– Что вы предпочитаете? Какие картины пишете? – после некоторой паузы снова спросил Генри.

– Пейзажи, портреты, – ответил Мартин. В этот момент ему показалось, что это не он отвечает на вопросы, а кто-то другой. – Вы очень хорошо говорите по-французски, – заметил юноша.

– Мне дали прекрасное образование. Я свободно говорю на четырёх языках. К французскому у меня особое отношение. Франция – страна великих гениев и зачастую нераскрывшихся талантов. Мне бы хотелось взглянуть на ваши работы, молодой человек. Они здесь есть?

Мартин, как замороженный, смотрел на Генри Говарда и внимал каждому его слову.

– По просьбе Джонни, хозяина галереи, я принёс сегодня одну картину, она в хранилище, но даже не знаю, стоит ли... – проговорил он.

– Вы скромны, это делает вам честь. Пойдёмте, – Генри говорил и действовал спокойно и решительно. Глядя на него, у его собеседников возникало ощущение постоянно нарастающей внутренней силы и абсолютно непререкаемой исключительности, словно это был не человек, а Мессия...

Генри нашёл взглядом Джонни и, обернувшись на Мартина, пригласил последовать за ним.

Участники аукциона медленно расходились. Некоторые из них, желая лично попрощаться с Генри Говардом, кланялись, пожимали ему руку и пытались заискивающе заглянуть в глаза. После этого они направлялись к центральному выходу, где их ждал Себастьян, чтобы проводить и выразить надежду на «скорую встречу». Рыжеволосый джентльмен стоял тут же и, пытаясь из последних сил сохранять равновесие, отвечивал поклоны выходящим из зала гостям и завсегдагая галереи *Vieux château* («Старый замок»).

– Ну, что я тебе говорил, Кларис? Даниэль Лоуреншний раз подтвердил своё реноме пьяницы и ловеласа. И как только Роджер его терпит? Хотя, если бы не их давняя дружба со студенческих лет, вряд ли Роджер стал совладельцем самого крупного банка в Париже.

– Да, ты прав, Франсуа. И даже, несмотря на это, я получила огромное удовольствие, побывав с тобой на сегодняшнем аукционе. Спасибо.

Станный официант, похожий на осведомителя, не отходил от статного англичанина ни на шаг, словно был его личным слугой.

– Джонни, будь любезен, покажи картину, которую принёс Мартин, – сказал Генри, подходя к импозантному, одетому с иголки хозяину галереи и посматривая на часы.

Тот открыл хранилище и пригласил всех войти внутрь. После того, как Джонни снял матерчатую упаковку и представил картину, Генри окинул её взглядом и, обращаясь к Мартину, равнодушно произнёс:

– Пейзажи мне неинтересны. Портреты у вас есть?

– Я в основном портреты и пишу, – возразил юноша – Но это уличные портреты. Ещё рисую в кафе. Иными словами, это не такие работы, как у вас. Они больше похожи на наброски на скорую руку.

Генри Говард поставил бокал с шампанским на поднос официанта и посмотрел на Джонни, давая понять, что хотел бы остаться с Мартином наедине.

Достаточно было лишь взгляда, чтобы Джонни незамедлительно вышел и закрыл за собой дверь в хранилище.

– Мартин, попробуйте написать портрет не на скорую руку и отнеситесь к этому серьёзно. Потом покажете мне. Справитесь?

– Да, – удивлённо, но довольно уверенно ответил тот.

В следующую минуту Генри достал из внутреннего кармана свою визитку и протянул её Мартину. На ней были только адрес и время – больше ничего.

– Что это? – спросил Мартин.

– Адрес говорить никому не нужно, разве что таксисту, когда вы будете уже в Лондоне. В противном случае не приезжайте. Кстати, остановиться рекомендую в отеле *Royal Night* («Королевская ночь»). Это в десяти минутах езды от аэропорта Heathrow («Хитроу»). Там прекрасные номера и умеренные цены...

При этих словах он внимательно посмотрел на Мартина, на написанный им пейзаж, странно улыбнулся, затем открыл двери хранилища и неторопливой походкой направился к выходу. На фоне удаляющихся шагов где-то совсем рядом снова зазвучала скрипка. Генри Говард словно растворился в этих шагах и мелодии. Мартину вдруг почему-то захотелось пойти за ним следом, и он бы, наверное, сделал это, но голос Джонни словно вывел его из транса:

– Эй, Мартин, ты куда? Ты что, пьян? Я ведь только на пять минут вас оставил.

– Да я выпил всего чуть-чуть, – ответил тот, демонстрируя свой бокал Джонни. – И дело совсем не в этом.

– А в чём тогда? Что тебе сказал Генри?

– Разговора почти и не было, так, пара фраз, основную часть ты слышал. Он дал мне свою визитку, но на ней только адрес и время. Это похоже на то, что Генри Говард приглашает меня к себе? – с робкой надеждой в голосе спросил Мартин.

– Думаю, да. Не знаю, что ты сделал, но, судя по всему, у тебя получилось. Ты ему понравился!

– Это же надо лететь в Англию, где-то останавливаться и на что-то жить. Он ничего не объяснил, просто вручил визитку и ушёл.

– А ты хотел, чтобы он тебе всё разжевал, в рот положил и денег дал? Так, что ли? – недовольно возразил Джонни.

– Он попросил меня, чтобы я никому не говорил адрес, который указан на визитке. Согласись, это странно.

– Это не странно, это – важно! Таким образом, он, скорее всего, проверяет тебя. Хочет понять, можно ли тебе доверять. Ну, представь, если к нему поедут все желающие! Я не думаю, что он раздаёт свои визитки направо и налево. Тебе просто повезло, ты родился под счастливой звездой, так что не разочаруй его.

– Что же мне делать, Джонни? На поездку наверняка потребуется немалая сумма. Ты просил меня написать картину. Может быть, сможешь мне её продать?

Джонни взял в руки пейзаж Мартина и так же равнодушно, как это сделал только что Генри Говард, произнёс:

– Ты сам всё понимаешь. Это красиво, конечно: мост, закат, лодки. А это кто на мосту – ты? Это ты себя нарисовал? – Джонни морщился всё сильнее. – Я могу это взять, чтобы просто повесить в галерее для красоты, но не для продажи. Пойми, у меня богатые клиенты, которые готовы платить крупные суммы за нечто сверхъестественное, за экстаз, понимаешь? Твоя картина молчит. Она показывает, а не выражает. А мне нужно что-то, что будет жечь изнутри. Посмотри на себя, Мартин. Ты красивый парень! Ты можешь нравиться даже мужчинам, я уж не говорю о прекрасных дамах, – при этих словах Джонни усмехнулся. – Конечно, это здорово помогает тебе в работе, но нужны другие картины.

– Ты что, тоже хочешь, чтобы я рисовал исключительно портреты? – спросил Мартин.

– Да, но по-другому – так, как это делает Генри Говард, а этому надо учиться.

Хочешь быть оригинальным и много зарабатывать? Рисуй женщин, рисуй мужчин, но так, чтобы при взгляде на картину бросало в дрожь. В картине должна быть страсть! Живи, люби, рисуй, будь чьим-нибудь любовником. Тем более, что художник и любовник – это, по сути, одно и то же. Что тебе терять? Сейчас ты просто хороший ремесленник, каких сотни и тысячи в нашем городе, и, как все они, ты – без имени и денег, а с Генри возможно всё! Так что, выброси из головы всю эту глупую, дешёвую и никому не нужную романтику... «мосты, лодки и закаты»...

Джонни всё ещё продолжал, что-то говорить, но в этот момент Мартин вдруг подумал о том, что не запомнил, куда положил визитку Генри Говарда. В карманах было пусто, в руке оставался бокал с недопитым шампанским...

«Странно, она всё время была у меня в руках. Когда же я успел её потерять?»

Он вернул бокал стоявшему рядом официанту и, пытаясь прервать Джонни, чтобы предложить осмотреть хранилище, слегка похлопал его по плечу. В этот момент визитка выпала у него из рукава, словно это был какой-то фокус. Мартин мучительно вспоминал, когда он положил её в рукав. Этого никак не могло произойти. Он точно помнил всё, что происходило в последние несколько минут.

Он поднял визитку, непонимающе оглянулся вокруг и почему-то снова направился к запасному выходу.

– Мартин, твой плащ, – крикнул Джонни, догоняя его. – Слушай, я не знаю, что с тобой происходит, но выглядишь ты не очень. Иди домой, выпись. И постарайся найти возможность в самое ближайшее время съездить к Генри. Я абсолютно уверен в том, что у тебя всё получится, а картину можешь оставить, вдруг кто-нибудь купит, хотя...

Он вручил плащ Мартину, и они расстались.

Глава 4

Юноша поднимался по лестнице не торопясь, как бы проверяя каждую ступеньку на прочность. Выйдя из галереи, он уже через несколько минут оказался на мосту, в плену непрекращающегося, противного моросящего дождя и резкого, влажного ветра.

«Какая светлая сегодня ночь, – подумал Мартин, оглядываясь по сторонам. – И почему так тихо и спокойно, как будто ничего не происходит? Пейзаж я продать не смог, и денег нет. Что же мне дальше делать? Остаётся только одно...» Он лихорадочно вспоминал детали этого вечера. Всё было как всегда и совсем по-другому. Скрипка продолжала звучать в его голове, в сознании медленно всплывал образ Генри Говарда... Как будто только сейчас он повернулся, чтобы посмотреть Мартину в глаза. В этот момент юноша очнулся от того что, вглядываясь в тёмную гладь воды под мостом, он потерял осторожность и его рука чуть не соскользнула с парапета. Наклоняясь всё ниже, Мартин пытался разглядеть своё отражение.

Наверное идущему мимо прохожему показалось, что молодой человек хочет прыгнуть с моста – так сильно он перегнулся через ограждение. Незнакомец встал рядом с Мартином, повторил его движения, и, убедившись, что у того нет никакого желания прыгать, одобрительно покачал головой, улыбнулся, отошёл на несколько шагов в сторону, затем остановился и закурил. Он всё ещё пристально смотрел на юношу, будто взглядом пытался предостеречь от неожиданного и необдуманного поступка.

Дождь, словно гениальный художник, рисовал крупными каплями по водной глади, создавая одну картину за другой. Серый саван облаков то и дело закрывал неподвижные и такие яркие звёзды. Картины на воде становились то глубокими и прозрачными, отражая высокое, синее небо, то серыми и неподвижными, и едва заметное колебание воды было чем-то вроде замедленного дыхания какого-то огромного, невидимого существа.

В следующую минуту Мартин решительно подошёл к незнакомцу и попросил закурить, забыв, что во внутреннем кармане плаща лежит нетронутая пачка сигарет. Они долго курили под козырьком какого-то дома и так и не сказали друг другу ни слова. Мартин вспомнил, как когда-то он так же долго мог находиться рядом с отцом, и, «молча пообщавшись», они шли каждый по своим делам. На улице становилось холодно, юноша кивком попрощался с незнакомцем и, подняв повыше воротник своего плаща и закутавшись в него, как в плащ-палатку, направился к Марго.

Мартин знал, что она ждала его раньше. Роджер, её муж, должен был сегодня уехать на несколько дней, и они могли провести этот вечер вместе. Дойдя до порога её дома, он достал из кармана плаща записку, которую сегодня утром кинул ему под дверь какой-то мальчишка. Мартин хотел было как следует отчитать его за шалость, но тот опрометью бросился вниз по лестнице, всхлипывая на бегу, будто плакал или был простужен.

Он развернул записку и прочитал короткое письмо:

«Любимый мой Мартин, Роджера не будет два дня, я ужасно соскучилась и хочу тебя видеть, мне нужно сказать тебе что-то очень важное. Твоя Марго».

Мартин ускорил шаг, мысленно представляя себе этот непростой разговор, но времени на раздумья не было. Он поднялся и постучал в дверь.

– Марго, открой, пожалуйста, это я, – Мартин, наверное, почти крикнул, потому что вскоре после этих слов за дверью послышался звук открывающегося замка, и уже знакомый женственный мягкий голос тихо произнёс:

– Почему ты пришёл только сейчас? Я ждала тебя раньше, мне нужно было кое-что тебе рассказать. Это важно для нас обоих.

– Мне тоже есть что тебе рассказать. Я уезжаю, слышишь?

Через приоткрытую дверь пробивался тёплый, приглушённый свет и был виден краешек цветного шёлкового халата Марго.

– Наверное, это лучшее, что ты можешь сейчас сделать, – сказала она разочаровано и хотела закрыть дверь, но Мартин её остановил:

– Ну пожалуйста, прости меня! Я хочу тебя попросить. Можешь дать мне свою машину всего на один день и немного денег в долг? Мне нужно съездить к матери на виноградник. Это очень срочно. А хочешь, поедem вместе? Проведём это время только вдвоём.

– Мартин, ты сумасшедший? Роджер возвращается через два дня. Я не могу сейчас с тобой поехать.

– Понимаю, ты злишься, что я не пришёл раньше и не могу остаться с тобой, но у меня сейчас столько событий. Ты даже не представляешь, что было на сегодняшнем аукционе. Я так благодарен тебе! Ты столько для меня сделала! Возможно, я скоро уеду в Англию учиться живописи, и если всё сложится удачно, то смогу прилично зарабатывать, и тогда ты сможешь уйти от своего мужа ко мне.

Марго вышла ему навстречу и протянула ключи от машины.

– Прощай, Мартин. Жаль, что сегодня мы расстаёмся с тобой вот так.

– Я, правда, быстро. Завтра я приеду, и мы сможем с тобой увидеться. Ты мне веришь?

– Это уже неважно, – ответила она в задумчивости. – Постарайся вернуть машину, как можно скорее. Ключи можешь положить в мой почтовый ящик.

Марго хотела ещё что-то сказать Мартину на прощанье, но вместо этого только взглянула ему в глаза, провела рукой по его волосам и грустно улыбнулась.

Он поцеловал её, не заметив, как она что-то положила в карман его плаща.

Это была их последняя встреча, когда они могли обнять и поцеловать друг друга. Марго была удивительной женщиной – всё понимающей и всепрощающей.

«И где только женщины берут силы, чтобы всё понять и простить?» – думал Мартин.

Проехав несколько кварталов, он почувствовал, что засыпает.

«Если я не посплю хотя бы три-четыре часа, то до виноградника точно не доеду, и меня, уснувшего в машине своей любовницы, найдут где-нибудь в предместье Парижа или в кювете у дороги», – решил Мартин, и уже спустя пятнадцать минут он стоял на пороге своей комнаты, пытаясь открыть изрядно покосившуюся старую дверь. Прожив около двух лет не в самом центральном районе Парижа, Мартин нисколько не сомневался в том, что это было самое убогое жильё, которое только можно было снять в его жалком положении.

Хозяин комнаты, по всей вероятности, должен был приплачивать Мартину за то, что тот за счёт своего роста и широких плеч в самую опасную минуту мог спасти эту развалюху от полного разрушения. Подтолкнув как следует дверь, Мартин не без труда попал внутрь. Было уже два часа ночи. Ему очень хотелось есть, но в этом утлом жилище никто не ждал его и не готовил еду. Он тщетно попытался запереть изнутри дверь, но вскоре бросил это безнадёжное занятие, выпил стакан воды и, не раздеваясь, лёг на кровать.

Из-за того, что по просьбе Джонни ему в срочном порядке пришлось заканчивать свой пейзаж для аукциона, Мартин две ночи практически не спал, и сейчас, едва коснувшись подушки, словно стал проваливаться в какую-то пустоту, цепляясь за края невидимого обрыва. Ему всё не удавалось схватиться как следует, чтобы попытаться выбраться из этой тёмной и бездонной ямы. Он бесконечно цеплялся и срывался снова, пока его руки совсем не ослабли, и он смог, наконец, почувствовать спокойствие и безмятежность свободного падения.

Глава 5

Мартин проснулся от ощущения, что кто-то пристально на него смотрит. Кэтрин стояла рядом и глядела на Мартина добрыми, чистыми глазами, потом улыбнулась и, протянув руку, раскрыла маленькую ладонь.

– Будешь печенье? – спросила она. Это была дочка соседки Стефани.

Они с матерью снимали комнату напротив. Стефа, как называли её все соседи, работала в прачечной в нескольких кварталах отсюда. Кэтрин на вид было лет пять или шесть, но для своего возраста она казалась очень взрослым и смыслённым ребёнком.

Зная, что Мартин живёт один и никогда не готовит сам, Стефани время от времени приглашала его к ним на обед, каждый раз удивляя безграничной щедростью души и демонстрируя неподдельную, трогательную радость от возможности общения и проявления простого человеческого гостеприимства.

У Стефани в комнате висели два портрета – её и дочери, – которые Мартин написал и подарил в знак благодарности за доброту и внимание к его скромной персоне.

– Давай, Кэтрин, твоё печенье, – сказал Мартин, – вряд ли мне удастся перекусить где-нибудь в ближайшее время.

При этом он расстроено посмотрел на часы, осознавая, что проспал дольше, чем следовало, и надо было торопиться.

Кэтрин накормила «дядю Марти», как она иногда его называла, печеньем и, задорно смеясь, выбежала из комнаты. Быстро одевшись, на ходу вспоминая вчерашний аукцион, он в очередной раз чуть не сломал дверь, пытаясь её закрыть, после чего машина Марго стала для него пристанищем на следующие три часа. Мартин ехал к матери на виноградник, надеясь на то, что там его примут и поймут, и он сможет вновь почувствовать приятное состояние спокойствия и умиротворения, которое однажды уходит вместе с детством.

«Как всё быстротечно. Тёплые воспоминания о счастливых днях – лишь забытые сны, которые никогда не повторяются, даже если ты захочешь вернуться домой навсегда. Когда это было? Детство и беззаботная жизнь на винограднике прошли, развеялись, как утренний туман».

В дороге Мартин думал о том, что, возможно, матери удалось продать виноградник, и тогда он смог бы попросить немного денег на поездку в Англию и обучение. Об этом можно было только мечтать, и всё же... Если бы кто-нибудь из компаньонов отца внёс хотя бы задаток... Он уже представлял себе, как едет в аэропорт, чтобы отправиться на встречу в Лондон...

Сквозь открытое окно машины врывался влажный, прохладный ветер, в воздухе разливался аромат полевых цветов и мокрой, пряной свежескошенной травы.

Уже подъезжая, Мартин сунул руку в карман плаща и обнаружил там пачку сигарет, несколько франков, кулон и записку Марго. Он остановил машину и заглушил мотор.

Они познакомились с Марго в первый день его приезда в Париж. Уже на подъезде к городу их догнал тёмно-синий спортивный кабриолет «Триумф-Спитфайр», за рулём которого сидела обаятельная шатенка лет двадцати семи. Она то и дело оглядывалась назад и странно прислушивалась, как будто боялась погони. Автобус и кабриолет одновременно въехали в город, как вдруг её автомобиль резко затормозил почти у самого перекрёстка, создав тем самым неожиданную и увеличивающуюся с каждой секундой, пробку. Чтобы добраться до пристани, Мартину потребовалось бы всего минут тридцать, но, несмотря на это, он решил выйти и убедиться, что у прелестной незнакомки в триумфальном, сверкающем на солнце кабриолете, всё благополучно. Её машина всё ещё стояла на перекрёстке, другие автомобили

гудели, объезжая её, а недовольные водители сочувственно качали головами. С машиной явно было что-то не то, а девушка просто сидела, даже не пытаясь себе помочь, как будто ждала кого-то. Подойдя ближе, Мартин увидел, что она плачет, комкая в руках мокрый от слёз платок.

– Что у вас случилось? – он попытался спросить как можно громче, но из-за гула проезжающих машин девушка его не услышала.

Юноша подошёл совсем близко и наклонился, стараясь заглянуть ей в глаза, отчего та вздрогнула и на мгновение подняла на него взгляд, полный слёз и какого-то детского испуга.

– Что у вас случилось? – повторил Мартин.

– Я не знаю. Там сначала что-то стучало, а потом скрипнуло, и мотор заглох. И вот я здесь, посреди улицы, и не знаю, что делать. Муж говорил мне, чтобы я не брала эту машину, потому что там что-то «барахлит» и её надо отремонтировать, но я решила, что всё обойдётся. Но вот не обошлось...

Мартин совсем не разбирался в машинах, но ему ужасно понравилась эта смешная и наивная, как девчонка, и одновременно напоминавшая какую-нибудь голливудскую кинозвезду симпатичная женщина, которая появилась из совершенно незнакомого для него мира, пахнувшего дорогими духами и английскими сигарами. Ему казалось, что она готова станцевать прямо здесь и сейчас зажигательный чарльстон, несмотря на то, что пять минут назад плакала от бессилия и обиды из-за сломавшейся посреди улицы машины.

– Меня зовут Мартин, а вас?

– Марго. Я еду от своей сестры. Она живёт в пригороде, и на днях получила письмо от своего мужа, Леона. Он не сможет приехать на день рождения их сына, маленького Пьера. Лео работает помощником капитана на грузовом судне, и из-за того, что были неправильно оформлены какие-то документы, они будут вынуждены две недели провести в порту Марселя. Сестра очень расстраивается, и я тоже переживаю из-за неё.

Все это она проговорила так быстро, что Мартин едва успел уловить смысл.

– Хорошо, давайте я попробую завести машину. Вы позволите?

Марго пересела на соседнее кресло, и Мартин сел за руль. В машине приятно пахло духами. Мартин попытался включить зажигание, но позади действительно что-то стучало и скрипело так, что он прекратил попытки, и через минуту, остановив доброго малого на «Фиате», они отогнали кабриолет подальше от перекрёстка.

Мартин предложил Марго зайти в ближайшее кафе, немного отдохнуть и выпить кофе. Как только они оказались внутри, она сразу же стала искать телефон, чтобы незамедлительно позвонить мужу и сообщить о случившемся. Администратор указал ей на барную стойку, возле которой расположились двое мужчин, похожих на водителей дальних рейсов. На них были странные кепки с квадратными козырьками и вытянутые серые комбинезоны, до пояса перепачканные в мазуте, со следами и стойким запахом дешёвого машинного масла. Они с интересом наблюдали за тем, как симпатичная девушка в узком, коротком платье с рюшами и глубоким декольте быстро семенит грациозными ножками к барной стойке. Каблочки звонко щёлкали по блестящей плитке, и уже через минуту все посетители кафе смотрели только на Марго. Она закрывала трубку рукой и пыталась говорить с мужем как можно тише. Марго долго оправдывалась и говорила, что «была неправа», что поехала на этой машине, и что впредь будет всегда его «слушаться».

«Как же странно и удивительно было встретить такую необычную женщину именно здесь», – подумал Мартин. Она была и смешной, и трогательной одновременно. На мгновение в кафе воцарилась полная тишина. Чем усерднее Марго пыталась закрыть трубку рукой и говорить тише, тем сильнее начинали прислушиваться все вокруг. Она всё больше нравилась Мартину. Они выпили по чашке кофе и разговорились. Оказалось, что Марго неплохо рисует и даже иногда выставляет свои картины на аукционе...

С самого первого мгновения Мартин и Марго почувствовали, что их влечёт друг к другу.

Сначала это были редкие встречи в кафе «Монблан» – том самом, в которое они зашли в день своего случайного знакомства. Почему кафе имело такое название, не мог сказать никто, включая третьего по счёту управляющего, который изо всех сил пытался удержать заведение на плаву. Поговаривали, что раньше здесь располагался магазин туристического снаряжения, а после того, как хозяин разорился и на этом месте открылось кафе-бистро, новый владелец просто не стал менять вывеску. «Монблан» находился на въезде в город, почти на самой дороге, по которой проезжали только рейсовые автобусы и тяжёлые грузовые машины. Респектабельные авто возле таких кафе обычно не останавливались, а франты в смокингах сюда не заглядывали вовсе.

Это была окраина Парижа, где рабочая слободка и промышленный пейзаж являлись самыми главными местными достопримечательностями, поэтому вероятность того, что здесь вдруг окажется Роджер, муж Марго, или кто-то из его знакомых, была равна нулю. К тому же Марго и сама не была светской занудой, с ней абсолютно свободно и легко можно было говорить на любые, даже самые неожиданные, темы.

Спустя какое-то время они стали видеться чаще. В конце каждой встречи Мартин и Марго обязательно договаривались, в какой день и время они смогут встретиться снова. Их увлекали разговоры об искусстве, о новых течениях, о прогрессивных взглядах. Марго оказалась намного глубже и интереснее, чем думал Мартин, впервые столкнувшись с ней на том перекрёстке. Однажды, после очередной встречи, Марго рассказала Мартину об аукционе, который должен был в скором времени состояться в «Старом замке» – так называлась картинная галерея. Это был не просто аукцион, здесь собирался местный бомонд и узкий круг так называемой «знати»...

...В то время Мартин работал в порту *de l' Arsenal* («Арсенал»), помогая разгружать торговые и грузовые суда, а по вечерам рисовал уставших матросов и рыбаков в лучах заката, празднично прогуливающих горожан и вечно спешащих туристов.

В дождливую погоду он был завсегдатаем местных кафе, где с удовольствием делал наброски и писал портреты с интересом заглядывающих на него дам.

Если удавалось продать какую-нибудь картину, Мартин обязательно покупал подарок Марго и всегда готов был рассказать очередную смешную историю, которую подсмотрел или услышал в порту. В тот день в кафе «Монблан» Мартин впервые поцеловал её. Это произошло случайно. Они уже собирались уходить, но Марго вдруг внимательно посмотрела на него и сказала:

– Завтра состоится аукцион в *Vieux Château* («Старом замке»). Я хочу, чтобы ты пришёл. Мартин не знал, что ответить:

– Марго, ведь у меня даже приличного костюма нет. Извини, но я думаю, что это не самая лучшая идея. К тому же, там будет твой муж.

– Милый, ты прекрасный художник. Я верю в тебя. Ты обязательно должен там побывать. А с костюмом мы что-нибудь придумаем. И это я беру на себя. К тому же, Роджер улетает в Вену, там у него какие-то дела.

Она смотрела на Мартина совсем по-другому. Это был взгляд влюблённой женщины. Он не мог не ответить, и они поцеловались. На следующий день Марго повезла его в магазин и купила смокинг. Мартину пришлось пообещать, что всю жизнь он будет рисовать только её и не взглянет ни на одну женщину. У него совсем не было денег, но он тоже сделал ей подарок – маленький кулон в виде сердечка на причудливой позолоченной цепочке.

Аукцион галереи *Vieux Château* («Старый замок»), на который пригласила его Марго, напоминал театрализованное костюмированное представление. Мужчины – в смокингах, женщины – в вечерних платьях, и к тому же все они были в масках. Мартин и Марго пришли по

отдельности и старались, как могли, не привлекать к себе внимания. На аукционе они сидели рядом, и, когда в зале слегка приглушили свет, он взял её за руку, а она посмотрела на него и улыбнулась. В тот момент Мартин был счастлив как никогда.

Марго оказалась права – в галерее действительно было на что посмотреть. Замечательные работы местных мастеров, портреты и пейзажи создавали атмосферу творческой мастерской, и хотелось тут же поставить мольберт, взять в руки кисти и краски и начать рисовать. Знатоки от искусства что-то оживлённо обсуждали. Сгорбленный, седовласый старичок в смокинге постоянно натёкался на неожиданно оказывающихся вместе Мартина и Марго и, уходя, лукаво поглядывал в их сторону. Позже Мартин узнал, что это был самый богатый коллекционер в Париже.

Там, на аукционе, Мартин понял, что хочет рисовать по-другому – по-настоящему. Как будто всё, что он делал до этого дня, было лишено очень важного и нужного для него смысла.

...Казалось, счастье будет бесконечным. Мартин и Марго встречались почти каждый день. Его скромная комната в эти дни наполнялась ароматами её духов и прелестями всяких женских штучек. Он много рисовал. И однажды после уговоров Марго, написал её портрет.

– Это невероятно. Я сама никогда не видела себя такой. Как тебе удалось?

– Не знаю. Ты так влюблено смотрела на меня, что, наверное, я и не мог по-другому написать.

– Ты превзошёл сам себя, Мартин.

– Просто я очень люблю тебя.

– Не надо. Ты же всё знаешь про нас.

– Прости меня, но я обычный человек.

– Нет, ты не обычный человек, – прошептала она.

После этого их встречи становились всё реже, а потом и вовсе прекратились. Как будто Марго выполнила свою миссию и стала медленно возвращаться в прежнюю жизнь. Как позже выяснилось, Роджер узнал об их тайных свиданиях и пригрозил, что оставит её без средств к существованию, а его выкинет из города. Несколько раз Мартин пытался встретиться с Марго и поговорить с её мужем, но однажды это чуть не стоило ему жизни. Роджер нанял частного детектива, чтобы тот следил за женой. После очередной попытки Мартина встретиться и поговорить с ней здоровый детина чуть не переломал ему все кости. С этого момента и до вчерашнего вечера они больше не виделись.

Глава 6

Сидя в машине, Мартин всё пытался вспомнить ещё что-нибудь из их такой необычной и яркой жизни с Марго. Она всегда говорила, что, только находясь рядом с ним, чувствует себя «роскошной и по-настоящему желанной женщиной...»

Как будто киноплёнка оборвалась... Фильм закончился, не успев начаться.

Вдалеке уже виднелись отцовский дом и старый виноградник. Мартин включил зажигание, и машина медленно покатила по пыльной дороге. Год назад он приезжал сюда, чтобы похоронить отца. Странное чувство охватило Мартина. Родной дом не казался ему таким приветливым, как раньше. Казалось, знакомые с детства стены «постарели», а сам он сейчас превратился в случайного прохожего, не имеющего ничего общего с этим удивительным местом. Мартин остановил машину и поднялся по ступенькам веранды. Он приоткрыл никогда не запирающуюся в этом доме дверь и вошёл в гостиную:

– Здравствуй, мама, – проговорил Мартин, едва успев подхватить хлопотливую Софи, которая от неожиданности взялась за сердце.

– О боже, Мартин! Я сейчас, подожди. Там, на столе. Подай мне воды.

Через секунду она пришла в себя и, ничего не говоря продолжительно, словно не веря своим глазам, посмотрела на сына. Потом сделала глоток, взяла Мартина за руку и слёзы покатились по её щекам, словно мелкие бусинки из рассыпающегося ожерелья.

– Мама, не надо. Прошу тебя, успокойся. Мы сейчас обо всём с тобой поговорим.

Они прошли в его комнату, которая когда-то напоминала Мартину клетку для птиц. За окном, как и прежде, виднелись широкие аллеи виноградной долины. Покосившаяся, высокая изгородь вблизи дома из-за постоянного солнца бросала тень на окна, благодаря чему всё, что находилось в этой комнате, приобретало некий полосатый рисунок. Вот и сейчас Мартину показалось, что снова две певчие птички по неосторожности залетели в чью-то умело поставленную клетку-ловушку и рискуют остаться в ней навсегда. Он усадил мать и, держа её руки в своих, сел напротив.

– Мама, я приехал совсем ненадолго, – начал Мартин. – Ты знаешь, я сейчас рисую для художественной галереи, и мне посчастливилось познакомиться с прекрасным художником из Англии. Его зовут Генри Говард. Вчера на аукционе он представил бесподобный женский портрет, и я очень хочу научиться рисовать так же. Генри приглашает меня в Лондон на обучение. Это мой шанс, и я не могу его упустить. Отец мечтал передать мне своё дело и все заботы о винограднике, но ведь ты помнишь, мы много раз говорили с тобой о том, что в конце концов наступит такое время, когда придётся смириться с моим выбором. Ты всегда любила и понимала меня. Поверь, я бы никогда не посмел идти против воли отца, если бы не чувствовал, что именно это – моя судьба. Ведь ты не думаешь, что я виноват в его смерти?

Несмотря на то, что Мартин сказал последнюю фразу очень уверенно, его внутренний голос внушал ему обратное. Софи подняла на Мартина заплаканные глаза и обняла его.

– Нет, конечно же, я так не думаю. Не вини себя. Грегор всегда считал, что лучше всех знает, как правильно ухаживать за виноградником. В последнее время он много болел и совсем не спал, и, даже если бы ты был здесь, он всё равно ложился бы в два часа ночи, а вставал в пять утра. Виноградник был смыслом всей его жизни. Грегор не позволял себе даже думать о продаже этих угодий, не говоря уже о нашем переезде в Париж. Конечно, после его смерти было очень тяжело, но ведь ты и сам знаешь. Местные виноделы не захотели покупать виноградник. Они сказали, что всё слишком запущено и у них нет столько времени и средств, чтобы поднимать его заново. Поэтому виноградник пришлось продать за бесценок, но я и этому рада.

Работать так, как раньше, я уже не могу, а видеть, как погибают эти некогда благоухающие аллеи, ради которых жил и дышал Грегор, выше моих сил.

– Жаль, что здесь нет телефона, у меня была бы возможность позвонить и узнать, как у тебя дела, чтобы помочь с продажей виноградника. А я оставил тебя одну, бросил на произвол судьбы. Прости меня, мама. Конечно, нужно было приехать раньше, – после этих слов Мартин наклонился и поцеловал руки матери.

– Я верю, что Господь всё видит и сам всё управит, – сказала Софи и с любовью и нежностью посмотрела на сына.

– Честно говоря, я надеялся, что виноградник купит кто-нибудь из компаньонов отца. Мне казалось, что это обязательно будет Сэм! Надо было позвонить ему, встретиться и поговорить. Он всегда так помогал нам и чаще остальных приезжал к отцу и привозил готовое вино на пробу. Кому же ты тогда продала виноградник? – недоумевал Мартин.

– Вот как раз у этого самого Сэма на ферме гостил его старый друг. Потом Сэм привёз его сюда. Они жили у меня два дня и с утра до вечера пропадали на винограднике. А на третий день уехали и вернулись вечером с деньгами. Видишь дом на противоположной стороне, что стоит у самого края дороги? Он пустовал какое-то время, а теперь там живёт друг Сэма, Жак Эмилейн со своей семьёй, он и стал новым хозяином нашего виноградника. А телефон у Сэма не работает уже давно, поэтому он через день ездит в Париж, чтобы обсудить дела со своими партнёрами, а по пути и по старой памяти заезжает и к нам.

«Какая красивая фамилия у наших новых соседей, – подумал Мартин. – Есть в ней что-то милое и необычное, напоминающее редкий цветок или трогательную, нежную мелодию».

В этот момент на веранде послышались шаги и в дверь постучали.

– Софи, вы дома? – На пороге стоял высокий, широкоплечий, чем-то напоминающий моряка дальнего плавания, мужчина лет шестидесяти. – Вы меня простите, я только хотел спросить...

Увидев Мартина, незнакомец прервал свою речь и протянул ему руку.

– Жак, – представился он. – Я ваш сосед. А вы, наверное, Мартин? Софи говорила мне о вас.

– Да. Приятно познакомиться! – сказал Мартин, отвечая на рукопожатие, и тут же спросил: – Значит, вы и есть новый хозяин виноградника?

– Можно сказать и так. Хотя слова «хозяин» или «владелец» я не люблю. Мне в этом деле без помощи Софи и Сэма никак не обойтись. И, может быть, в скором времени моя супруга Колетт снова сможет мной гордиться, – улыбнувшись, ответил Жак. – Софи, вы можете мне?

– Да, конечно. – Мать вместе с Жаком вышли из дома и направились в аллеи виноградника. Было видно, что их уже объединяет общее дело. Всего два года назад Мартин уехал в Париж, мечтая посвятить себя живописи и желая научиться зарабатывать. Как же всё изменилось! Через десять месяцев после его отъезда не стало отца, ещё год спустя мать продала виноградник, и сейчас здесь живут другие люди и появляются новые отношения.

Жак совсем не был похож на отца Мартина. С первой секунды было понятно, что это человек из города, для которого виноградник и всё, что с ним связано, – новое, незнакомое, но интересное дело.

Несмотря на то, что, как выразилась Софи, она продала виноградник «за бесценок», у Мартина всё же появилась слабая надежда, что его жизнь действительно изменится... Оставалось только уговорить мать помочь ему оплатить поездку и обучение в Лондоне.

Мартин вышел из дома и присел на ступеньках веранды. Приятное летнее тепло расслабляло, в воздухе разливался аромат зреющего винограда. Он закрыл глаза, поднял голову и представил себя на вершине холма на рассвете рисующим словно проснувшуюся от яркого, раз-

ноцветного дождя, наполняющуюся красками и пьянящим ощущением невероятной свободы виноградную долину. Громкие звуки из дома напротив вернули Мартина в реальную жизнь. Женский приятный голос звал по имени не то «Сюзен», не то «Сюзанну».

Пройдя всего несколько шагов вглубь знакомой аллеи, Мартин вполне отчётливо различил изящный силуэт молодой, очень грациозной девушки. Она принимала летний душ, который был построен прямо на винограднике и издали походил на сверкающий на солнце водопад.

Вода, солнце и белоснежный купальник делали стройную незнакомку почти прозрачной. Свисающая и извивающаяся виноградная лоза словно тянулась к ней и мягко касалась её волос. Это было завораживающее зрелище. Мартин пошёл навстречу, зная, что это наверняка напугает девушку, но остановиться он уже не мог.

Глава 7

Сьюзен заметила молодого человека издали, и в первую минуту ей показалось, что это идёт отец, чтобы позвать домой или пригласить прогуляться по аллеям виноградника. У него был спокойный, уверенный, неторопливый шаг – походка человека, которого вы давно и хорошо знаете. Солнце слепило её, и она не могла разглядеть фигуру как следует.

Девушка почувствовала странное волнение и поспешила выйти из душа. Солнце отступило от дорожки аллеи, и она смогла разглядеть приближающегося к ней человека. Симпатичный юноша смотрел прямо на неё не моргая и не отводя глаз, словно вдруг неожиданно увидел какое-то чудо... Солнце снова ослепило её, он подошёл совсем близко и протянул полотенце, которое висело рядом. Это заставило Сьюзен волноваться ещё сильнее, и она вздрогнула от испуга.

– Добрый день! – проговорил молодой человек, с интересом разглядывая прелестную незнакомку.

...Удивительный, изумрудно-серебристый и одновременно манящий и чарующий оттенок её волшебных глаз сводил с ума и завораживал, словно ты вдруг очутился в наполненной невероятным светом и теплом лесной чаще, выбраться из которой нет уже ни сил, ни желания... Длинные, густые ресницы создавали иллюзию испуганно вспорхнувших райских птиц, и, казалось, не было большего счастья, чем просто насладиться возможностью видеть это...

– Здравствуйте! – ответила Сьюзен.

Вода прозрачными ручейками стекала по её сверкающей на солнце бархатистой, нежной коже. От неожиданности и смущения девушка удивлённо вглядывалась в глаза незнакомца, который совсем не спешил объяснять, кто он и что здесь делает.

– Я напугал вас?

– Да, немного. Кто вы? А я, кажется, догадалась, вы – бывший владелец виноградника, Мартин?

– Да, всё верно, но виноградником владел не я, а мой отец. Ну а вы?

– Меня зовут Сьюзен. Я приехала к родителям на несколько дней. – И девушка взглядом указала на невысокий двухэтажный дом у дороги.

– Значит, наш виноградник теперь в надёжных руках, – сказал Мартин и, прищурившись от солнца и удовольствия видеть очень привлекательную девушку совсем рядом, слегка наклонил голову набок.

– Это было желание отца – приобрести виноградник. Для нас с мамой всё происходящее стало полной неожиданностью, и я даже не знаю, как они со всем этим справятся. Но мне здесь нравится. У вас тут очень красиво. – И она, набросив полотенце и изящным жестом поправив влажную чёлку, уже хотела попрощаться...

– Виноград – это то, из чего делают вино... – сказал Мартин, желая продолжить беседу, но, встретившись взглядом со Сьюзен, забыл, что хотел сказать. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. Он дотронулся до виноградной лозы, медленно отвёл её от лица девушки и продолжил: – Вино бывает разным: терпким, сладким, возбуждающим, расслабляющим. Какое вино вы предпочитаете? У моего отца есть уникальные экземпляры разных лет.

– Даже не знаю. Простите, мне нужно идти. Было очень приятно познакомиться, – сказала Сьюзен.

– Спасибо. И мне, – ответил Мартин.

Сьюзен стала медленно удаляться по залитой солнцем аллее виноградника. Мартин, не отрываясь, следил за каждым её движением, снова и снова воссоздавая чудесный образ вблизи.

Она была безупречна: фигура, походка, взгляд. Ему на мгновение показалось, что Сьюзен всё ещё рядом с ним, и он продолжает слышать её нежный голос и чувствовать её тепло.

От порыва ветра виноградная лоза слегка коснулась его руки. Мартин сорвал созревающую некрупную гроздь и от досады за свою неловкость медленно сжал её в кулаке. Виноград превращался в бесформенную кашлицу, сок струился тонкими паутинками по руке, создавая впечатление глубокой, кровоточащей раны. Мартин включил душ и смыл остатки раздавленных ягод. Уже поднявшись на веранду, он ещё раз взглянул в сторону дома Сьюзен.

В лучах солнца окна и сам дом были похожи на яркий прожектор или маяк, который указывал странствующим путникам или кораблям дорогу к дому...

«Какой взгляд! – думал Мартин. – Её глаза излучают необъяснимый солнечный свет, который идёт изнутри и, встречаясь с сиянием тёплого летнего дня, отражает всё вокруг, и от этого взгляд становится ещё выразительнее и ярче!»

Возвращаясь домой, Сьюзен чувствовала, что Мартин всё ещё смотрит на неё.

«Станный», – подумала она. И вдруг почему-то произнесла вслух, как будто хотела услышать, как это звучит со стороны:

– Станный.

Сьюзен зашла в дом, взяла первую попавшуюся книгу и широко раскрыла окна.

Свежий воздух, напоенный сладковатыми ароматами полевых цветов и терпкими нотками набирающей силу виноградной долины, в считанные секунды заполнил комнату. Она вспоминала всех своих близких и друзей, пытаясь найти сходство с новым знакомым...

«Мартин по-мужски красив и притягателен, словно рождён в аристократической семье и самое главное его предназначение – это позирование для фамильных портретов, при этом в нём нет самолюбования и он не пытается казаться лучше, чем есть на самом деле. Видимо, жизнь на винограднике помогла ему сохранить чистоту души, скромность и какую-то одухотворённость, чего напрочь лишены современные молодые люди. Непослушная чёлка, густые чёрные волосы, высокий лоб и очень трогательный взгляд.

Взгляд человека, который чувствует и воспринимает всё происходящее в какой-то своей, присущей только ему, манере. Как будто он не смотрит на тебя, а изучает изнутри; словно проникая в душу и сердце, видит в тебе нечто особенное, чего ты сам никогда не знал о самом себе. И в эту минуту действительно хочется стать тем самым особенным и не похожим ни на кого человеком... И всё же он очень странный, этот голубоглазый пилигрим. Не понимаю, почему мне хочется называть его именно так? – спрашивала сама себя Сьюзен. – И он с таким откровенным восхищением и трепетом смотрел на меня на винограднике...»

Она открыла книгу на случайной странице. В глаза бросилась фраза: «Не знаю, сколько ещё понадобится времени, чтобы снова обрести себя. Некоторые люди, годами бегая по кругу, протаптывают для себя глубокие ямы, а остаток жизни пытаются выбраться из них».

Сьюзен на мгновение почувствовала себя именно таким человеком, несмотря на то, что в свои двадцать лет она знала три языка, училась в университете, числилась лучшей на курсе и, по мнению многих, была просто непревзойдённой красавицей. До конца дня она старалась не думать о встрече с сыном бывшего владельца виноградника, пытаясь занять себя разными важными делами. Но, чем сильнее она стремилась отодвинуть от себя придуманный ею же самой образ «странного незнакомца», тем глубже он проникал в её сознание.

Мартин вошёл в свою комнату с твёрдым намерением уехать сегодня же. Но отсутствие решимости попросить у Софи денег на поездку в Лондон останавливало его. До конца дня он помогал матери на винограднике и уже больше не виделся со Сьюзен и Жаком. Случайная встреча с милой, очаровательной соседкой не выходила у него из головы. Мартин вдруг поду-

мал о том, что не может так просто взять и уехать. Словно всё вокруг говорило ему, что они обязательно должны встретиться ещё раз.

Вечерний закат совсем по-иному окрасил тихие, уплывающие куда-то вдаль, уносящие от всего мирского и говорящие на каком-то «своём» языке, узкие извивающиеся дорожки и густые, «поющие» в унисон с дерзким, прохладным ветром, виноградные аллеи. Казалось, жизнь ненадолго прощалась с этим благословенным местом, чтобы, вернувшись утром, вновь щедро наполнить сердца и души теплом и сладостным трепетом предвкушения будущего богатого урожая...

Глава 8

Проснувшись на следующий день от похожего на протяжный собачий вой звука покачивающейся за окном деревянной изгороди, Мартин долго лежал в постели, размышляя, что ему делать дальше. Он думал о том, как накануне утешал мать, сидя с ней в его комнате, что до приезда Роджера надо успеть вернуть машину Марго, и с каким-то абсолютно искренним благоговением вспоминал о прекрасной незнакомке, которую встретил вчера на винограднике... В следующую секунду мысли его сошлись на главном: нужно было решиться уговорить мать помочь ему с поездкой в Лондон. Мартин быстро оделся и подошёл к Софи.

– Мама, я говорил вчера, что хочу поехать в Англию на обучение. Для этого нужна достаточно крупная сумма денег. И я хотел попросить... Естественно, в долг. Через два-три месяца я всё верну. Мне просто больше не к кому обратиться.

– Мартин, конечно, возьми сколько нужно. Я верю в тебя, – сказала Софи и, открыв верхний ящик комода, передала сыну аккуратно сложенную пачку денег. Затем она достала из посудного шкафа знакомый с детства кофейный сервиз и предложила Мартину сесть за стол.

– Если бы ты мог остаться и работать вместе со мной у Жака, – продолжила Софи, – то я большего бы и не желала в этой жизни, но у тебя свой путь.

«Маме, конечно, повезло, что Жак увидел в ней ценную помощницу и взял к себе на работу. В противном случае денег, вырученных от продажи виноградника, хватило бы максимум на год», – решил Мартин, отсчитывая необходимую сумму для оплаты своей комнаты в Париже и поездки в Лондон.

Он не мог рассказать Софи, что денег долго ещё не будет, потому что картины, которые он пишет, продаются за гроши. Рабочие в порту тоже не всегда были рады видеть его и, тем более, делиться с ним своим заработком. Долги же росли, словно на дрожжах.

Жизнь в Париже требовала больших расходов. На встречи и пустяшные подарки для Марго уходили все его скудные средства. Но Мартин не жалел. Марго показала ему другую жизнь, и он был ей за это благодарен.

После разговора с матерью Мартин был уверен, что сегодня же уедет в Париж. Он вышел из дома и направился к машине. Из кармана плаща Мартин достал пачку сигарет, кулон и записку Марго. Он никак не мог понять, почему она вернула ему кулон.

«Что это, прощальный жест? – думал Мартин. – Да, скорее всего, так оно и есть. Надо признать – я не смогу сделать её счастливой. И всё же... Марго – удивительная женщина. Её любовь всегда была настоящей и в то же время увлекающей в какую-то бездну, которой нет ни конца, ни края...»

Он смотрел на кулон, как будто видел его впервые. Место крепления по цвету сильно отличалось от цепочки, и, казалось, либо именно в этой части кулон должен был открываться, либо здесь от времени просто сошла позолота.

Неожиданно для себя Мартин нажал на крепление, и кулон раскрылся, как раковина, внутри которой должна была быть жемчужина, но вместо неё он обнаружил маленькое, в виде сердечка, фото Марго, которое она, судя по всему, вложила в кулон на память.

«Как странно. Я даже не знал о том, что украшение было с секретом. Неужели всё-таки она прощается со мной?» – продолжал размышлять Мартин. Он достал записку от Марго, сложил её вчетверо и аккуратно поместил внутрь кулона, который тут же переложил в верхний внутренний карман плаща, как будто этот милый подарок действительно сейчас был её сердцем. Он сел в машину, вынул из пачки сигарету и закурил.

Можно было бы уехать прямо сейчас, и тогда не случились бы все те события, которые круто изменили его жизнь.

Из машины Марго, как сквозь линзу старого телеприёмника, Мартин пытался разглядеть новых владельцев виноградника. Жак и его жена в этот момент вышли из дома и направились в глубину аллеи, видимо, желая прогуляться и насладиться свежим утренним воздухом. Они обошли виноградник и оказались прямо возле дома Мартина и Софи. Мать встретила их на пороге, и они принялись что-то очень оживлённо и эмоционально обсуждать. Жак время от времени одобрительно кивал головой, поглядывая на свою супругу и как бы спрашивая у неё совета. Она улыбалась в ответ, давая понять, что полностью с ним согласна. Казалось, они понимали друг друга без слов. Мало сказать, что жена нового владельца была изящной и привлекательной. Природная женственность, бесконечное обаяние, утончённость и шарм делали её женщиной вне возраста.

«Взгляд... Какой потрясающий взгляд! – думал Мартин. – У неё такие же красивые и глубокие глаза, как...» В этот момент ему снова захотелось увидеть Сюзен. Он дождался, пока Жак и его жена уйдут, и вышел из машины.

– О чём вы говорили? – спросил Мартин у Софи, поднимаясь по ступенькам веранды.

– Жак и Коlette пригласили нас с тобой сегодня к ним в гости на празднование тридцатилетия их совместной супружеской жизни. Я сказала, что мы придём. – И Софи, вздохнув, с надеждой взглянула на сына.

Он снова вспомнил Сюзен в момент их знакомства, её очаровательную улыбку и то, как она смущалась, глядя на него. Чувствовал, как сильно начинало биться его сердце при мысли о ней. Естественная красота Сюзен обезоруживала, и, казалось, превращала даже самого стойкого и неподатливого женоненавистника в послушного и безропотного «слугу», готового следовать за своей «госпожой» хоть на край света.

«У меня есть ещё один день, и я успею встретиться с Марго и поговорить с ней», – решил Мартин.

Глава 9

Подарок новым соседям Мартин и Софи подготовить, конечно же, не успели. Зато Софи испекла пирог с виноградным джемом, а он взял две бутылочки красного вина из отцовской коллекции.

...Дом Жака и Колетт был похож на маленькую библиотеку, одна часть из которой – это выставленные по алфавиту в строгом порядке и не отличающиеся по цвету громоздкие медицинские справочники и словари, а вторая – небольшие книжки с разноцветными корешками из серии «на каждый день», такие удобно взять в поездку или на приём, чтобы блеснуть цитатой классика или уровнем своей эрудиции. Супруги Эмилейн показывали дом, комнаты после ремонта и умело выложенный, уютный камин, в котором теплился слабый, словно робеющий перед собравшимися гостями, но готовый в любой момент показать себя во всей красе, живой огонь. Сьюзен, видимо, не было в доме, потому что Жак долго, вполголоса объяснял Колетт, что «не будет ничего страшного, если мы сядем за стол без неё». Окна были слегка приоткрыты, и солнце, как бы без спроса заглядывая в гостиную, становилось полноправным участником сегодняшнего праздничного вечера. Софи и Колетт говорили друг другу комплименты по поводу виноградника, книг, вкусного, красивого пирога с джемом и отцовского коллекционного вина. Мартин думал, что уже не увидит Сьюзен, но вскоре она появилась на пороге в летящем, пышном жёлтом платье и с букетом прекрасных полевых цветов в руках.

– Поздравляю тебя, мамочка! – радостно воскликнула Сьюзен.

Мать она обняла, а отца сдержанно поцеловала в щёку. По всей видимости, отношения с отцом у Сьюзен были не такие тёплые, как с Колетт. Но вместе с тем она была мила и приветлива.

С её появлением солнца в доме как будто стало ещё больше. В глазах был задорный и какой-то искрящийся блеск. Мартин вспомнил это чудесное состояние, когда тебе впервые дарят велосипед, и ты, оказываясь на вершине холма, представляешь, что летишь в своём собственном самолёте, с каждой секундой поднимаясь всё выше...

– Добрый день, Мартин! – Сьюзен протянула руку, и его воображаемый самолёт, потерявшись где-то среди непроглядного тумана, стал медленно растворяться в воздухе. Мартину было хорошо оттого, что он просто смотрел в её глаза.

– Здравствуйте, Сьюзен. – Но вместо того, чтобы взять девушку за руку, он почему-то потянулся за оригинальной фигурной бутылкой из тёмного стекла. – Это из отцовской коллекции.

Она поднесла бокал, и Мартин налил немного вина, чтобы дать возможность сначала почувствовать и оценить букет.

– Как говорит Сэм, «купаж восхитительный!»! – сказал Жак. – Именно поэтому я и выбрал этот виноградник. Спасибо моему старому приятелю, что пригласил меня к себе и, конечно же, вам, Софи!

Все выпили по бокалу и поздравили чету Эмилейн с их знаменательной датой. Мартин почувствовал, что ему никогда не было так хорошо, как в этом, некогда заброшенном, а сейчас полном бесконечного тепла и уюта доме, среди почти незнакомых ему людей. В какой-то момент ему показалось, что его отец тоже где-то здесь. Как будто это он разлил по бокалам вино, а Мартин, Софи, супруги Эмилейн и их дочь – одна большая семья. Словно во всех этих людях так же, как это вино, течёт его кровь.

Сэм приехал, когда солнце уже давно село за горизонт и от окна веяло приятной прохладой. Колетт показывала Софи книги о медицине и старые семейные фотографии и удивлялась тому, что та никогда не была на море и всего пару раз за всю жизнь съездила в Париж. Сэм

и Жак горячо обсуждали вопросы, связанные с виноградником, и всё пытались разговорить Мартина в надежде выведать у него какие-нибудь секреты. Но для Мартина виноградник ни в юности, ни сейчас не был главной темой его жизни, поэтому особых секретов рассказать он так и не смог.

Жак только с виду казался сильным и крепким, но на самом деле это был бывший военный – повидавший виды и изрядно потрепавший своё здоровье человек. Он очень любил жену и дочь, но из-за постоянных командировок семью свою в последнее время почти не видел. Двадцать пять лет, которые он отдал службе на военно-морской базе города Тулон, сделали своё дело, и они с женой совсем перестали общаться и понимать друг друга. Поэтому, как только правительство дало ему отставку, Жак сразу же предложил Колетт оставить её многолетнюю медицинскую практику и переехать в провинцию *de Champagne* (Шампань), в этот дом. По совету Сэма он купил виноградник и искренне надеялся, что новое общее дело поможет им с Колетт восстановить прежние тёплые отношения, а у Сьюзен появится прекрасная возможность приезжать на выходные и праздники и любоваться красотами чудесной виноградной долины.

Жак очень доверял Сэму. Их невероятная дружба выдержала испытание временем и, словно старинное бургундское вино, становилась с каждым днём всё крепче и дороже.

Несмотря на то, что на Лазурном Берегу Франции было достаточно возможностей, чтобы заниматься выращиванием винограда и даже посвятить себя виноделию, Жак переехал именно сюда, поближе к Сэму, чтобы, пусть и к концу жизни, но быть рядом с настоящим другом, с которым не виделся двадцать с лишним лет. После третьего бокала изумительного красного вина Жак, устроившись в мягком уютном кресле, тихо и с удовольствием наблюдал за всеми, пока окончательно не уснул.

...Сьюзен вот уже полчаса совсем не было видно. Какое-то время она находилась со всеми вместе в гостиной, сдержанно смеялась над военными шуточками Жака и время от времени убирала со стола лишнюю посуду. Мартин вышел на веранду, чтобы вдохнуть свежего воздуха и попробовать найти Сьюзен, чтобы перекинуться с ней перед отъездом хотя бы парой слов. Но искать не пришлось: она сидела в кресле на веранде, закутавшись в лёгкий цветной плед, и читала книгу.

– Простите, я вам не помешал? – спросил Мартин, подходя ближе.

– Ну что вы. Мне кажется, что вы всегда будете пользоваться привилегией ощущать себя здесь, как дома, – ответила Сьюзен, недвусмысленно намекая ему на вчерашнюю встречу и своё смущение при таком неожиданном знакомстве.

– Как интересно вы сказали, Сьюзен. Но, наверное, вы правы. Ведь, по сути, я вырос на винограднике, – сказал Мартин и затем очень ласково спросил: – Так что же мне делать?

И он наклонился над девушкой, а потом улыбнулся самой обаятельной улыбкой, на какую только был способен. В этот момент она поняла, что Мартин выпил немного больше, чем следовало, и начинает вести себя развязно.

Странные, противоречивые чувства рождались в душе у Сьюзен. Мартин не казался ей неприятным. Напротив, всё это было и смешно, и мило. Он походил на счастливого ребёнка, которому вдруг подарили игрушку, о которой тот давно мечтал.

Она выдержала паузу и спросила:

– Чем вы занимаетесь, Мартин? Честно говоря, я была немного удивлена узнав, что ваша мама здесь, на винограднике, совсем одна.

– Понимаю, что вы хотите сказать, Сьюзен, но сейчас не может быть по-другому, – ответил он. – Этого нельзя изменить. Я уже давно живу и работаю в Париже, я – художник. И, когда я вчера вдруг увидел вас, мне сначала показалось, что я вижу волшебницу или фею, которая

вдруг преобразила эти забытые места, а вместе с ними – и все мои воспоминания. Я кажусь вам глупым человеком? Да, я это чувствую. Иногда мне кажется, что я такой же скучный и приземлённый, каким был мой отец, но... ваши глаза... они словно оживили меня...

В следующую минуту Сьюзен встала с кресла и перешла на другую сторону веранды. Было видно, что от этого разговора ей становится неуютно.

– Сьюзен, вы очень красивая девушка. И у вас просто потрясающий взгляд. Я бы хотел написать ваш портрет. Это возможно?

– Даже не знаю, – смущённо ответила она и робко взглянула на Мартина.

– При знакомстве вы сказали, что приехали к родителям на несколько дней. А где вы живёте? В Париже? – продолжал спрашивать Мартин, делая шаг навстречу и останавливаясь в ожидании...

– Какой вы любопытный, – ответила она. – Да, я тоже живу в Париже, работаю в книжном магазине на улице...

Девушка вдруг замолчала и с удивлением посмотрела на Мартина.

– Что, вы забыли, на какой улице находится ваш магазин? – и он, улыбнувшись, склонил голову набок.

– Нет, просто... Это неважно. Завтра моя смена, и надо постараться как можно скорее вернуться в Париж.

– Как вы добираетесь до города? – спросил Мартин.

– На рейсовом автобусе, – ответила Сьюзен.

– Давайте я подвезу вас завтра. У меня, конечно, не кабриолет... – при этих словах Мартин на секунду задумался, а потом повторил снова: – У меня, конечно, не кабриолет, но это всё же лучше, чем ехать в душном автобусе, который останавливается каждые пять минут.

– Хорошо. Я подумаю, – в этот момент она ощутила сильное желание остаться одной. Сьюзен чувствовала нарастающее волнение и не хотела, чтобы Мартин заметил это.

– В десять часов утра. Договорились? – уточнил он и тут же повторил, словно боясь того, что девушка откажется: – Я буду ждать вас около нашего дома в десять часов утра.

– Не обещаю, но очень может быть, – ответила Сьюзен и с лёгким интересом взглянула на юношу.

Мартин видел Сьюзен всего лишь второй раз в жизни, но в этот момент ему казалось, что он чувствует и понимает её так, словно в ней была его собственная потерянная душа.

Он сделал ещё несколько шагов навстречу и, если бы не Колетт, которая вышла в этот момент, чтобы проводить Софи, обязательно поцеловал бы Сьюзен. Вместо этого он ещё раз взглянул в её глубокие, полные какой-то необъяснимой, удивительной тайны глаза, и они расстались. Софи попрощалась с Колетт и Сьюзен и вместе с сыном направилась к своему дому. Мартин чувствовал, что сейчас девушка смотрит ему вслед, но оглядываться не хотел. Он нарочно замедлил шаг, растягивая удовольствие быть с ней поблизости.

– Что ты думаешь об этом симпатичном молодом человеке? – спросила Колетт, провожая взглядом Мартина и Софи.

– Не знаю, мы с ним почти не общались, – ответила Сьюзен. Она не рассказала матери, что виделась с «симпатичным молодым человеком» накануне и что он предложил подвезти её до города.

– Отец с Сэмом рано утром уезжают на винодельню. Хочешь поехать вместе с ними? – спросила Колетт.

– Нет, завтра до трёх часов дня мне нужно успеть вернуться в Париж, – ответила Сьюзен и тут же добавила: – А вы с Софи быстро подружились.

– Она замечательная, – сказала Колетт. – Софи всю жизнь прожила здесь, на винограднике. У неё столько воспоминаний, можно книгу написать.

– О чём же писать, если человек всю жизнь прожил на одном месте? – в задумчивости произнесла Сьюзен. Колетт уловила в голосе дочери странные нотки какого-то равнодушия к происходящему.

– Сьюзи, пойдём в дом, – сказала Колетт. – Надо уложить отца, чтобы он как следует выспался. У них с Сэмом грандиозные планы... – После этих слов она обняла дочь, поцеловала и ласково улыбнулась.

...Придя домой, Мартин выпил ещё немного вина и долго смотрел из окна на виноградник, словно благодарил его за эти необычные дни. Софи села напротив и заглянула сыну в глаза:

– Я вижу, тебе понравилась эта девушка?

Вопрос матери отрезвил его, он внимательно посмотрел на Софи и сказал:

– Прости, но завтра я уезжаю.

Софи ещё никогда не видела сына таким серьёзным. Её охватила странная, необъяснимая тревога.

Этой ночью Мартину впервые приснилась Марго в вечернем темно-синем шёлковом платье – том самом, в котором он видел её последний раз на аукционе. Она сидела в кресле и с невероятной грустью смотрела куда-то вдаль, потом вдруг взглянула на Мартина, подняла руки, словно хотела обнять его, и тут же уронила их на колени.

Глава 10

Утром Мартин позабыл о своём сне и, как мальчишка, выглянул в окно, словно проверяя, на месте ли дом напротив. Как будто за ночь он мог каким-то необыкновенным образом исчезнуть с лица земли.

«Если мне повезёт, – думал он, – то уже сегодня я улечу в Лондон».

Софи не было в доме. Мартин оделся, выпил оставленный на столе холодный кофе и, спустившись по мокрым от ночного дождя ступенькам веранды, остановился и оглянулся вокруг.

«Да, если „прекрасная фея“ решится, то мы поедem вместе. Я ведь совсем ничего не знаю о ней. Вчера мы так и не поговорили. А она ничего не знает обо мне».

Знакомство и мимолётное общение со Сьюзен было настолько естественным, что Мартин абсолютно не переживал о Марго. Более того, он был уверен, что она как художница, увидев юную красавицу, обязательно оценила бы её обаяние и грацию. Отношения Мартина и Марго давно утратили всё очарование и трогательность головокружительного, стремительного и страстного романа. Это были уже привязанность и благодарность, но не любовь. Они не могли, как раньше, быть вместе, а расстаться окончательно, несмотря на все угрозы и предупреждения Роджера, не решались. Мартин прекрасно понимал, что, если бы даже он стал прилично зарабатывать, Марго и в этом случае не ушла от мужа. Для неё не было ничего важнее своего положения в обществе, к высокому уровню которого она стремилась всю жизнь.

В этот момент Сьюзен становилась тем самым ключиком, который навсегда закрывал старую, покосившуюся дверь в прошлые разочарования и несбывшиеся надежды и открывал новые возможности «большого света». Мартин мог написать её портрет и привезти на встречу в Лондон. Генри Говард пришёл бы в изумление от красоты Сьюзен. И тогда, возможно, судьба Мартина была бы решена... По крайней мере, ему так казалось.

Взглянув на часы и с наслаждением продолжая вдыхать аромат утренней свежести и прохлады, он решил разыскать мать, чтобы попрощаться перед своим отъездом в Париж. Софи, которая, буквально с восходом солнца ушла на виноградник, пыталась гнать от себя грустные мысли о том, что сын, несмотря на свои двадцать три года, «наивен и не умеет разбираться ни в людях, ни в жизни». Он разыскал её в густых, наполненных росой и горьковатым привкусом ветра с полей и запахом дождя, аллеях виноградника и обнял за плечи.

– Мама, мне пора, – сказал Мартин. – Спасибо тебе за всё, береги себя. Я приеду как только смогу.

Он поцеловал мать и неторопливой походкой направился к машине. Софи осталась на винограднике и, провожая сына долгим, печальным взглядом, с тоской вспоминала о том, как он, будучи мальчишкой, втайне от Грегора рисовал натюрморты и пейзажи, а потом, счастливый, показывал их матери и мечтал о том, что когда-нибудь обязательно станет великим художником.

...На часах было чуть больше десяти, а Сьюзен всё не приходила. Мартин достал пачку сигарет, собираясь закурить, и на секунду задумался.

– Доброе утро!

Он обернулся. Это была Сьюзен. Солнце слепило её, и она прикрывала глаза рукой. Великолепное белое платье было похоже на крылья невесомого ангела, и в этот момент Мартину казалось, что всё вокруг наполнилось необыкновенной красотой и нежностью.

– Доброе утро, Сьюзен! – ответил Мартин и тотчас сунул сигареты обратно в карман. – Я думал, вы уже не придёте.

– Честно говоря, я и не хотела ехать с вами, но автобус пойдёт только через два часа, а мне действительно надо срочно вернуться в Париж.

– Ну что же, прошу! – Он открыл дверцу, помог девушке сесть в машину и, невольно залюбовавшись ею, смущённо проговорил: – У вас очень красивое платье.

– Спасибо, – поблагодарила Сьюзен. – Вы хорошо водите машину?

– Не беспокойтесь, – ответил Мартин, – обещаю, мы поедем очень медленно. Так что если захотите, вы даже сможете сесть за руль.

Она посмотрела на юношу и улыбнулась. Сегодня он снова показался ей смешным и немного нелепым. Одежда явно не украшала его, хотя с такой внешностью он вполне мог бы претендовать на принадлежность к высшему обществу.

– Сьюзен, вчера вы так и не сказали, по какому адресу расположен ваш магазин, – заметил Мартин, усаживаясь на кресло водителя. Он не спеша, аккуратно поправил зеркало заднего вида, испытывая при этом искреннее удовольствие от того, что в эту минуту вновь находится рядом с такой очаровательной девушкой.

– На самой живописной набережной канала *Saint-Martin* (Сен-Мартен), – ответила она и с нескрываемым интересом взглянула на Мартина.

– Набережная канала Сен-Мартен? – переспросил он и удивлённо посмотрел на Сьюзен. – На самом деле вы правы. Канал Святого Мартина – это маленький «Париж» внутри Парижа, и там удивительно красиво! – При этих словах он сдержанно улыбнулся и включил зажигание.

Какое-то время они ехали молча, думая каждый о своём и одновременно прислушиваясь друг к другу. Сьюзен закрыла глаза, наслаждаясь приятной прохладой и разноцветием ароматов, доносившихся с едва заметной, исчезающей в утренней дымке, виноградной долины.

Глядя на Сьюзен, Мартин чувствовал себя преступником, угнавшим машину и посягнувшим на что-то чистое и безупречное.

Ему казалось, что он недостойн находиться за рулём хорошего автомобиля рядом с красивой женщиной.

Время в поездке летело незаметно. В конце концов Мартин и Сьюзен разговорились. Они много смеялись, рассказывая друг другу разные необычные и смешные истории из своего детства. Так или иначе, эта случайная встреча на винограднике вдруг приобрела для Мартина какое-то совершенно особенное значение. Даже не надеясь на дальнейшие взаимоотношения со Сьюзен, он окончательно и бесповоротно решил расстаться с Марго.

Уже на въезде в Париж Мартин понял, что бак пуст, и предложил Сьюзен заехать на заправочную станцию. Парень, одетый в синий холщовый комбинезон показался ему знакомым. Как-то раз Мартин и Марго уже были здесь на этом же «мини-купере». Она не очень аккуратно припарковалась, после чего на бампере задней части автомобиля осталась небольшая царапина...

От этих воспоминаний Мартину стало грустно. Складывалось впечатление, что заправщик тоже узнал его, но не подал виду. Сьюзен вышла из машины и, прикрывая ладонью глаза от солнца, принялась разглядывать видневшиеся вдалеке какие-то старинные полуразрушенные постройки, похожие на руины поверженной средневековой цитадели...

Мартин хотел было выйти вслед за ней, но в последнюю секунду передумал и остался сидеть в салоне автомобиля. Обычно на этой заправочной станции стояло не более двух-трёх машин. Сегодня же здесь была очередь. Машины всё подъезжали и подъезжали, и Мартину от этого становилось не по себе. Заправщик подошёл за оплатой и, заглянув в салон, радостно сказал.

– Добрый день, месье! По всему видно, вы едете издалека, машина вся запылилась.

– Да, вы правы, – ответил Мартин. – Мы в дороге два с половиной часа. – Провинция *de Champagne* (Шампань), виноградные долины в предместье города *Sedan* (Седан). Бывали там?

– Нет, не довелось, но слышал, что места там очень красивые. Сегодня на заправке большая очередь. Может быть, пока помыть вашу машину? Мой напарник сделает это в два счёта. – И парень махнул рукой в сторону небольшого крытого павильона, похожего на длинный, серый гараж.

– Пожалуй. Почему бы и нет, – ответил Мартини, и, развернув «мини-купер», отъехал метров на пять в сторону.

В этот момент парень в одной из машин стал изо всех сил сигналить Сьюзен, оказывая знаки внимания. Заправщик невольно оглянулся и посмотрел на девушку...

Вскоре автомобиль был помыт и заправлен, и можно было ехать дальше. Становилось жарко. Мартин снял плащ и перекинул его на заднее сиденье. После этого он нажал на клаксон, давая понять Сьюзен, что пора отправляться. Она какое-то время стояла в нерешительности, делая вид, что выбирает, в какую машину лучше сесть. Мартин понял её игру и аккуратно просигналил ещё раз. Сьюзен как бы расстроено и в то же время кокетливо пожала плечами парню на синем «рено» и вернулась к Мартину. После того как девушка села в машину, они посмотрели друг на друга и рассмеялись. Через минуту автомобиль медленно выехал с заправки и сквозь открытое окно ещё долго были слышны протяжные сигналы восторженных автолюбителей, которые, не скупясь, отдавали дань изяществу и молодости обворожительной красавицы.

Несмотря на этот случай на заправке, Сьюзен не казалась Мартину легкомысленной. Она была простая и естественная, словно глоток свежего воздуха. Мысленно он написал её портрет уже много раз. На винограднике, с букетом цветов на вечере у родителей, сегодня утром в восхитительном летящем белом платье и на заправке среди сигналиющих от восторга машин. Но ему хотелось нарисовать её совсем по-другому...

...Он вспоминал, как рисовал Марго у него дома и как они любили друг друга. Сьюзен прервала размышления Мартина, взяв его за руку. Незаметно для себя он всё сильнее нажимал педаль газа, и девушка испугалась.

– О чём вы думаете, Мартин? – спросила она.

– О вас, – ответил он.

Мгновение они смотрели друг на друга, затем Мартин включил музыку, а Сьюзен достала и открыла маленькую книжечку. Одну из тех, что он видел на полках у них в доме. До конца поездки Мартин и Сьюзен не проронили ни слова. Они доехали до набережного канала Сен-Мартен и припарковались рядом с кафе *Soleil* («Солнце»), которое находилось прямо напротив книжного магазина, где работала Сьюзен. Мартин помог девушке выйти из машины, и они вместе подошли к высокой, прозрачной витрине, с противоположной стороны которой висела табличка: «Закрето».

Оглядываясь на кафе и рассматривая магазин, Мартин думал о том, что он достаточно часто бывал в этой части города, но впервые заметил, что дома на набережной *de Valmy* (Вальми), вдоль канала *Saint-Martin* (Сен-Мартен), благодаря своему уникальному расположению напоминали небольшой корабль, который, словно ведомый умелым капитаном, плавно заходил в порт.

Книжный магазин *Lys Blanc* («Белая лилия»), название которого Мартин увидел только сейчас, находился на первом этаже жилого дома.

– Ну вот, здесь я и работаю, – сказала Сьюзен и достала связку ключей, чтобы открыть входную дверь. Они вошли в магазин, и Мартин услышал лёгкий звон колокольчика, который висел прямо над входом и по форме и цвету напоминал изящный бутон миниатюрой белой лилии. Сьюзен поменяла вывеску с «Закрето» на «Перерыв» и повернулась к Мартину, желая поблагодарить его и попрощаться.

Он смотрел на девушку, и ему совсем не хотелось уходить.

– Какая книга ваша любимая? – спросил Мартин.

– «Милый друг», – ответила Сьюзен и улыбнулась.

– А она здесь есть? – и Мартин окинул взглядом длинные ряды книжных полок.

– Да, – ответила она, указывая на широкий стеклянный стеллаж возле прилавка и доставая книгу.

– Что же в ней такого особенного? – с любопытством разглядывая обложку, переспросил Мартин.

Сьюзен открыла книгу и с некоторой иронией прочитала вслух несколько строк:

– «Дорогой друг, влюблённый мужчина перестаёт для меня существовать. Он глупеет, больше того: он становится опасен. С теми, кто любит меня как женщину или притворяется влюблённым, я порываю всякие отношения, во-первых, потому что они мне надоедают, а во-вторых, потому что я их боюсь, как бешеных собак, которые всегда могут наброситься. Я подвергаю их моральному карантину до тех пор, пока они не вылечатся...»

В этот момент Мартин подошёл к Сьюзен так близко, что почувствовал её дыхание. Она подняла глаза и закончила фразу вполголоса. Он также чуть слышно произнёс:

– Наверное, это правильно, мне сложно судить. Но тогда получается, что я для вас абсолютно не опасен, я же не влюблён. Тут вам бояться нечего.

При этом Мартин слегка покраснел, отступил назад и, улыбнувшись, посмотрел на Сьюзен.

– У вас уютно. Во сколько закрывается ваш магазин?

– В пять часов, – ответила она.

– Хорошо. Может быть, мы тогда встретимся? Прогуляемся по набережной, выпьем кофе, а потом...

Мартин не успел сказать, что будет потом. Мужчина лет семидесяти неуверенно выставив впереди себя трость, похожую на тонкую, длинную школьную указку с загнутой в кольцо деревянной ручкой, несмотря на вывеску «Перерыв», неожиданно появился на пороге магазина и отвлек внимание Сьюзен. Мартину было приятно наблюдать за тем, как говорит и движется девушка, как показывает книги, помогая сделать правильный выбор, и бережно упаковывает их в подарочную бумагу. Он видел, как смущается Сьюзен в его присутствии. Юноша открыл дверь и незаметно вышел из магазина.

В течение рабочего дня Сьюзен почти не вспоминала о Мартине. Лишь изредка она поглядывала на часы и зачем-то перекладывала с места на место книгу, которую взяла с собой из дома.

Глава 11

Через час после того, как они расстались с Мартином, Сьюзен поднялась по винтовой лестнице на второй этаж магазина и прошла в соседнее крыло здания, в котором располагалась её комната. На самом деле было большой удачей, что ей удалось поселиться именно здесь.

Чтобы добраться до работы, не нужно было ехать через весь город, как её напарнице Диане, и, опустив глаза, в очередной раз обещать хозяйке магазина, что «опозданий больше не будет». Из окна комнаты Сьюзен были видны лодки, проплывающие по каналу Сен-Мартен, молодые – и не очень – мужчины и женщины, ожидающие друг друга возле открытого уличного кафе, спешащие по своим делам прохожие и туристы...

Сьюзен поставила сумку с вещами и переоделась. Белое платье она почему-то не повесила в шкаф, а оставила на виду как напоминание о знакомстве и поездке с Мартином: словно это было свадебное платье и она примеряла его перед торжеством. Сьюзен не была сентиментальной, но история встречи с этим обаятельным, открытым и очень непосредственным молодым человеком показалась ей необычайно красивой.

Она переехала в Париж всего каких-нибудь полтора года назад и готовилась сдавать очередную сессию в университете. Благодаря тому, что Сьюзен и жила, и работала здесь, оставалось довольно много времени на подготовку к экзаменам. Несмотря на то, что юридический факультет считался самым сложным, учёба ей давалась легко, и зачастую преподаватель административного права месье Трюшон при всех, не стесняясь, хвалил Сьюзен, каждый раз с удовольствием изменяя её имя и называя её не иначе как «светлый ум и будущее университета – великолепная Сюзанна».

Иногда она поднималась выше, к соседке по этажу Розалии, и они вместе играли на фортепиано, пили несладкий кофе и много смеялись. На лето Роза уезжала к своей бабушке в Швейцарию, и Сьюзен проводила время за книгами или прогуливалась по прекраснейшим, старинным улочкам Парижа, прилегающим к набережной канала *Saint-Martin* (Сен-Мартен).

Через несколько минут Сьюзен вышла из комнаты и, подойдя к лестнице, остановилась в задумчивости. Она вдруг поймала себя на мысли о том, что в жизни случаются удивительные моменты, когда ты словно оказываешься в каком-то другом мире, где всё должно произойти именно так, а не иначе. Если бы она не приехала на эти выходные к родителям, то, возможно, никогда не встретила бы с Мартином, ведь он, как сказала Софи, последний раз был на винограднике год назад.

На двери магазина со стороны улицы всё ещё висела табличка «Перерыв», но это не помешало двум студентам-первокурсникам зайти внутрь и звоном колокольчика прервать размышления Сьюзен. Патрик и Ник, которые сразу же представились, никак не могли выбрать учебник по философии и в конце концов купили тот, в котором вместо определений и правил были цитаты, притчи и высказывания великих мыслителей за всю историю мироздания. При этом парень по имени Патрик изображал умудрённого жизнью философа, а Ник – его послушного ученика, и каждый из них пытался произвести впечатление и рассмешить «симпатичную продавщицу»... Через пять минут она осталась одна. Посетителей больше не было, и Сьюзен решила немного прибраться, а заодно почитать что-нибудь интересное.

День пролетел незаметно. Он был одним из многих и всё же совершенно другим... Несмотря на предложение «встретиться», ни сегодня, ни на следующий день Мартин так и не пришёл. Вместо этого перед самым закрытием приехала Нэнси, хозяйка магазина, и объявила, что «сегодня работаем до семи, потому что привезли новую партию книг и нужно успеть всё расставить по полкам».

... Всё время по дороге домой Мартин думал о Сьюзен и о том, какие невероятные, неожиданные и весьма приятные сюрпризы вдруг могут случиться в жизни. «Конечно, Сьюзен совсем другая и абсолютно не похожа на Марго, но в этом-то и её прелесть. Наша встреча как будто заставила меня проснуться и посмотреть на всё совершенно другими глазами. Марго по-своему хороша, но сейчас она рождает во мне совсем иные чувства». Он притормозил возле раскуроченного и похожего на вход в пивную с «говорящими» надписями подъезда и не торопясь вышел из машины.

«Марго... Да, Марго... – продолжал размышлять Мартин, – Она хотела что-то сказать мне в тот день, перед отъездом, и зачем-то отдала кулон. Как странно, ещё вчера это было для меня важно, а сейчас...» – Он поднялся на свой этаж и подошёл к двери. К его удивлению комната была не заперта.

«Возможно, я в спешке забыл закрыть дверь», – подумал Мартин.

Он вошёл внутрь и увидел сидящего на стуле ссутулившегося человека лет шестидесяти пяти в помятом костюме, похожем на рабочую форму отслужившего положенный срок начальника береговой охраны ближайшего порта. Мужчина, не спеша, раскладывал на столе какие-то бумаги, тяжело дышал и время от времени хлопал себя по карманам брюк. Мартин решил серьёзно «разобраться» с незнакомцем, но, подойдя ближе, узнал в незваном госте Тома, хозяина тех немногочисленных, с позволения сказать, квартир, которые сдавались в этом доме. Он встретил Мартина недружелюбно и сразу потребовал вернуть долг и освободить жилплощадь, ссылаясь на постоянные задержки с оплатой и отсутствие надлежащего ухода.

Мартин уговорил Тома дать ему возможность остаться ещё хотя бы на месяц, пока не удастся подыскать другую комнату или квартиру. Том скрипнул зубами и запросил двойную оплату. Искать подходящее жильё сейчас Мартину было абсолютно некогда, и он заплатил столько, сколько потребовал Том.

Собираясь к Марго, Мартин то и дело устремлял свои взоры на картину, которая находилась за серым, похожим на декорации для ретро-фильма, покосившимся шкафом.

Раму он не успел покрыть лаком, из-за чего она потрескалась в нескольких местах и смотрелась так, словно картину принесли с чердака какого-то старинного заброшенного дома. Это был портрет Марго. Мартин снова вспомнил с каким упоением он рисовал в тот день. Марго, словно талантливая актриса, то вдруг становилась великосветской дамой из высшего общества, то задиристой девчонкой со вздёрнутым носиком, с глубоким бескомпромиссным взглядом и горделивой осанкой, давая понять, что, как бы ни была её жизнь, она всегда готова стоять до конца. Марго излучала поистине аристократический шарм, умела заставить мужчину забыть обо всём и полностью покориться её власти... Она обладала способностью быть и недоступной, и открытой, и грешницей, и ангельски святой...

Несколько минут он ещё стоял на пороге, затем вышел и осторожно закрыл за собой дверь. Казалось, будто Марго и в самом деле была в этой комнате, а сейчас осталась одна, среди старой мебели и разбросанных вещей.

Мартин подъехал к дому Марго, совсем забыв, что именно сегодня должен был вернуться её муж Роджер. Он поднялся на третий этаж, прошёл мимо длинного ряда синих почтовых ящиков и, готовый постучать в дверь, остановился возле её квартиры. В следующую секунду Мартин услышал сдавленный женский плач и грубый мужской голос:

– Роджер, отпусти меня. Я не могу больше так жить...

Женщина говорила прерывисто, и в голосе её чувствовался страх.

– К кому ты уходишь, Марго? Я подобрал тебя на улице. Кому ты нужна?

– Это неважно, Роджер! Оставь меня, ты делаешь мне больно! Позволь мне просто уйти и всё. Я уеду к сестре и ничего не потребую при разводе. Пожалуйста, не останавливай меня, иначе я расскажу в полиции, что ты занимаешься хранением и продажей каких-то запрещён-

ных препаратов. Мне известно, о чём вы говорили с тем странным типом, который приезжает к тебе каждый второй понедельник месяца.

– Что? Что ты сказала?

– Роджер, не надо, прошу тебя!

После этого раздался глухой хлопок, похожий на выстрел, и всё стихло.

Мартина бросало то в жар, то в холод. Он поднялся на этаж выше и, спрятавшись за выступ стены, выжидающе посмотрел на дверь квартиры Марго. Через секунду на площадку выбежал Роджер. Вид у него был испуганный и растерянный, словно случилось что-то ужасное. На какое-то мгновение он замер, пытаясь сосредоточиться. Затем, оглянувшись вокруг и не заметив Мартина, спустился вниз по лестнице и, громко хлопнув дверью, вышел из подъезда. Мартин ещё с минуту стоял, затаив дыхание, после чего осторожно подошёл к квартире Марго и прислушался. За полуоткрытой дверью было тихо. Он осмотрелся по сторонам и вошёл внутрь. Сделав всего несколько шагов, Мартин увидел Марго, лежащую на полу в коридоре. Её левая рука была на груди, из которой тонкой струйкой сочилась кровь.

Она была ещё жива. Мартин подбежал к Марго, встал на колени и взял её за руку.

– Боже, Марго. Что случилось?!

– Мартин, ты пришёл. Я так тебя люблю. Ты ведь не оставишь меня? – слабым голосом спросила Марго.

В свою последнюю секунду она смотрела на него... Мартин сжал её руку: пульса не было. Слезы застилали глаза, комок подступал к горлу. Остаться здесь было нельзя. Он достал ключи от машины и, положив их в карман её жакета, поспешил покинуть квартиру. Услышав шаги и чьи-то голоса внизу лестничного пролёта, Мартин поднялся выше. Когда шаги и голоса стихли, он вышел на улицу.

Обезумев от увиденного и не понимая, что ему делать, Мартин долго бежал длинными, узкими переулками, пока не оказался рядом с картинной галереей *Vieux Château* («Старый замок»), куда однажды привела его Марго. Со стороны припаркованных машин, возле запасного входа, знакомый голос окликнул его:

– Мартин, ты что здесь делаешь? – Это был Джонни.

– Послушай, мне срочно нужно выпить... – проговорил Мартин и, присев на верхнюю ступеньку лестницы, закрыл лицо руками.

– Ты сегодня выглядишь ещё хуже, чем тогда, когда я видел тебя в последний раз. Видимо, тебе так и не удалось выспаться? – спросил Джонни, оглядываясь и пытаясь поднять друга, чтобы увести его по дальше от галереи.

– Мы можем где-нибудь с тобой посидеть? – Мартина трясло так, будто у него была лихорадка или на него на улице напал страшный зверь.

– Да что с тобой? На тебе лица нет. Ты можешь мне хоть что-нибудь объяснить? – не на шутку испугавшись, взволнованно и требовательно спросил Джонни.

– Потом. Давай просто где-нибудь посидим, – сдавленным голосом твердил Мартин.

Они прошли полквартиры и завернули в кабачок, который находился рядом с багетной мастерской, на фасаде которой в виде картины, стоящей на мольберте, был изображён лесной пейзаж на фоне туманного осеннего утра.

«Весёлый мельник» был открыт для всех, но посетители художественной галереи *Vieux Château* («Старый замок») туда всё же не заходили, поскольку однажды там чуть не убили пьяного матроса, который, приревновав невесту, решил сжечь кабачок вместе со всеми его гостями. В общем, слава у этого заведения была неважная. Мартин и Джонни пробыли в кабачке до утра. Мартину даже показалось, что он уснул и увидел сон, в котором кто-то снова пытается выведать у него какие-то секреты, связанные с виноградником и его пребыванием в Париже...

Глава 12

Мартин не помнил, как оказался дома. Судя по всему, Джонни привёз его на такси, каким-то чудом дотащил до комнаты и уложил спать. Он открыл глаза, и смутные очертания стали медленно собираться в единый образ. Джонни сидел на стуле и пил кофе.

Поначалу Мартину показалось, что тот как-то слишком напряжён, словно обдумывал какой-то план. Юноша слегка приподнялся на кровати и попытался заглянуть в лицо своего непривычно серьёзного и сосредоточенного приятеля.

– А, проснулся? Ну что, выспался, наконец? – как бы нехотя, растягивая каждое слово и продолжая о чём-то думать, спросил Джонни.

– Что? – Мартин окинул мутными глазами комнату, пытаясь понять, что сейчас происходит.

– Ну, брат, ты меня вчера удивил. Ты пил, как сапожник, не останавливаясь, пока не упал под стол. Это что, новый способ поиска вдохновения? – снова спросил Джонни и передал другу стакан с кофе.

– Я должен тебе кое-что рассказать, это просто невероятно. Даже не знаю, с чего начать, – сбивчиво проговорил Мартин.

– Да? А я думал, что ты вчера мне уже всё рассказал.

– Вот как? – удивлённо и испуганно спросил Мартин и на мгновение задумался.

– Конечно, а ты что, совсем ничего не помнишь? – в следующую минуту Джонни, прищурившись, посмотрел на Мартина, затем похлопал его по плечу, улыбнулся и продолжил: – В общем, если ты всё-таки хочешь меня познакомить со своей новой девушкой, то давай соберись.

– С какой девушкой? – снова непонимающе спросил Мартин.

– Как «с какой»? Хотя у тебя тут кругом «какие-то» девушки. Надо, кстати, сказать спасибо твоей соседке Стефани за прекрасный кофе и бутерброды. Если бы не её доброе сердце, я мог бы умереть от голода, дожидаясь, пока ты проснёшься, – усмехнувшись, сказал Джонни. – Ну, вставай, пойдём знакомиться с «восхитительной» Сьюзен. Ты мне вчера все уши прожужжал.

– Я тебе вчера рассказывал про Сьюзен?

– Ну, да. А это что у тебя? – и он кивнул в сторону видневшейся из-за шкафа рамы портрета Марго.

– Ничего, – торопливо ответил Мартин.

– Да что с тобой? Ты белый, как мел, – Джонни достал портрет и поставил на стул. – Это же...

Он не договорил, как будто споткнулся.

Мартин вскочил с постели и хотел было убрать портрет, чтобы Джонни перестал о нём расспрашивать, но тот не унимался и всё-таки закончил фразу:

– ...Это же Марго, жена банкира Роджера. Она что, позировала тебе? Как тебе удалось её уговорить? Видимо, Марго всё-таки не случайно посоветовала тебе обратиться ко мне в галерею и рекомендовала тебя как хорошего художника? А я-то всё гадал, для кого она взяла второй пригласительный... Значит, на том аукционе вы были вместе?

– Я тебе потом всё объясню. Это совсем не то, что ты думаешь, – Мартин достал сигарету и закурил.

– *Слушай, портрет просто бесподобный. Похоже, только позированием здесь не обошлось, а? Я прав?* – И Джонни хитро улыбнулся.

– Прошу тебя, только никому не говори. Я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал об этом, – в сердцах проговорил Мартин.

– Хорошо, не скажу. Ты только не нервничай так, а то придётся бежать за новой порцией виски. Если бы здесь была изображена не Марго, то этот портрет можно было бы выставить на аукцион. И, знаешь, я абсолютно уверен, что мы смогли бы продать его очень дорого.

Он посмотрел на Мартина, потом на портрет и витиевато закончил:

– А если на неё надеть маску, ведь никто не узнает, что это Марго, даже Роджер?

– Нет, исключено... И я буду тебе очень признателен, если мы сейчас закончим на этом, – сказал Мартин, взявшись за пиджак и давая понять, что ему нужно идти.

Джонни смотрел на портрет, как будто пытался запомнить всё до мельчайших подробностей. В конце концов, он не выдержал и сказал:

– Она очень красивая. У тебя получилось. Генри бы понравилось.

– Джонни, ты извини, но я, правда, очень спешу. В общем, если всё сложится удачно, то завтра я буду уже в Лондоне.

– Ты решился?

– Да, – Мартин развернулся к окну и, бессмысленно уставившись на мальчишек, отбравших друг у друга велосипед, еле слышно добавил: – Здесь меня уже больше ничего не держит.

– Ладно, если у тебя точно всё в порядке, то я пошёл.

– Спасибо, Джонни, что не бросил меня вчера в этом кабачке и привёз домой. Я у тебя в долгу.

– Сочтёмся, – крикнул тот на ходу, а про себя подумал: «Интересно, будучи женатым, как бы сегодня я всё это объяснял своей жене? Всё-таки женитьба – дело серьёзное. С этим торопиться не стоит».

Он вышел на улицу и, в задумчивости пройдя несколько шагов, почему-то вдруг оглянулся, словно желая убедиться, что за ним никто не идёт, затем повернул в сторону переулка и ускорил шаг...

...Мартин закрыл дверь за Джонни и долго, не отрываясь, смотрел на портрет Марго.

«Конечно, его предложение полное безумие, но ведь в маске её действительно никто не узнает. Нет, я никогда не пойду на это!»

А что, если взять её портрет с собой в Лондон и показать Генри Говарду? Ведь Джонни сам только что сказал, что у меня получилось... Боже, что я несу? – спорил сам с собой Мартин. – Я слабак. Мне нужно было сразу же пойти в полицию, а я просто взял и напился, как последний трус и подлец! Всё, довольно!»

Больное сознание Мартина и возражало всем его доводам и аргументам, и соглашалось одновременно. Его снова начинало трясти, как в ту минуту, когда он увидел умирающую Марго. Он остановился на пороге своей комнаты и, упёршись головой в стену, попытался успокоиться. Нужно было срочно выходить из дома и что-то делать. Мартин взялся за стакан, чтобы выпить холодный кофе, но в следующую секунду отставил его в сторону, убрал портрет Марго и, спустившись по ступенькам старой, скрипучей на все лады лестницы, вышел на улицу. Мысли о случившемся не давали ему покоя.

Он думал о том, что, наверное, правильно поступил, ничего не рассказав ни вчера, ни сегодня про убийство Марго хозяину галереи Джонни.

«Или рассказал? Да нет, он обязательно спросил бы сегодня меня об этом».

Время от времени перед Мартином возникал образ Марго. Матери у неё не было, а отец работал простым механиком в порту. Старшая сестра Изабель рано пошла на работу и помогала «Марочке», как она всегда ласково называла Марго, и отцу чем могла. Марго же всегда тянуло к роскоши, и, если в городе проходили какие-то благотворительные вечера, выставки или аукционы, она обязательно стремилась попасть туда. Изабель вскоре вышла замуж и переехала вместе со своим мужем, Леоном, к его родителям в пригород. Знакомство Марго с Род-

жером стало, скорее, закономерностью, чем случайностью. Будущий муж приехал из Америки и очень скоро стал совладельцем крупнейшего банка в Париже.

Роджер Кауфман: отец – немец, мать – американка. Его предками были представители древнего дворянского рода, имели вес при дворе прусского короля Вильгельма Второго вплоть до 1918 года – до самого его отречения от престола.

...Чтобы быть на виду, Роджер всегда присутствовал на различных публичных встречах и важных городских мероприятиях и даже, как бывший спортсмен, принимал участие в велогонках, где занимал исключительно призовые места.

А благотворительные акции, выставки и аукционы с какого-то момента просто стали частью его повседневной жизни. Там они и познакомились с Марго. Именно такая жена и нужна была Роджеру. Женщина из простого народа, которая будет любить и боготворить своего мужа. Не станет задавать лишних вопросов и во всём будет его слушаться. И поначалу действительно всё так и было.

Марго с рождения жила в Париже и всем сердцем любила этот город. И даже когда Роджеру предложили на несколько месяцев переехать на работу в Вену, она ни на день не уезжала из Парижа. Это была утончённая, изящная шатенка, которая с лёгкостью меняла причёски и наряды. Мартин был уверен, что, если бы у неё был шанс родиться второй раз, она использовала бы его точно также. Марго отчаянно стремилась наверх, в высшее общество. В итоге оно ограничилось для неё двумя или тремя знакомыми Роджера, редкими выходами в ресторан и покупками дешёвых безделушек, которые, по сути, её мужу ничего не стоили. Они прожили с Роджером около семи лет. Всё это время Марго не работала, и, как ни просил Роджер, она так и не родила ему ребёнка. «Идеальной» жены из неё так и не получилось: частые скандалы из-за её разного рода капризов и прихотей были обычным делом в их доме. Марго не любила Роджера и, не стесняясь, рассказывала Мартину про его странные тайные дела с самыми разнообразными, как она говорила, «ночными» гостями.

Пару раз Роджер даже ударил её из-за того, что она слишком смело высказалась в адрес его очередного «ночного» посетителя, который впервые задержался до самого утра. После этого муж на коленях умолял Марго, чтобы она не заявляла в полицию, а потом ещё и подарил ей новенький, только что с конвейера, Mini Cooper («мини-купер»).

Мартин с ужасом вспоминал вчерашний разговор между Роджером и Марго.

«Она всё же приняла решение уйти от мужа. И что она имела в виду, когда говорила про какие-то „запрещённые препараты“?» – Он всё никак не мог поверить в то, что Марго больше нет. В том, что в её смерти был виновен именно Роджер, юноша не сомневался ни минуты. Получалось, что во всей этой истории Мартин был единственным свидетелем произошедшего. В висках стучало так, будто рядом с ним мчался грохочущий поезд. Он свернул в переулок, остановился возле газетного киоска и закурил. Пытаясь взять под контроль своё состояние, Мартин всё ещё надеялся, что ему удастся сегодня встретиться со Сьюзен. Какой-то молодой человек, стоявший около киоска, пересчитал сдачу, забрал свежие газеты, положил их в дорожную сумку и что-то ответил киоскёру. Продавец удивлённо посмотрел на покупателя и снова повторил свою фразу:

– Не может быть.

Мартину показалось, что их разговор был как-то связан с событиями минувшего дня. Он заглянул в киоск, указал на пачку с сигаретами и спросил как бы между прочим:

– Простите, а что случилось? Вы так взволнованы.

– А вы не знаете? – спросил киоскёр. – Вчера ночью произошло жуткое убийство.

Мартин похолодел.

– Вы откройте газету, там всё написано, – сказал, высунувшись наполовину из окна газетного киоска шуплый, похожий на сову, мужчина в искривлённом пенсне.

– Да я не любитель, – ответил Мартин. – Так, если просто почитать. Давайте.

Он купил газету, пачку сигарет, рассчитался с киоскёром и вышел из переулка. Развернув утренний выпуск «Парижских новостей», Мартин остановился, пытаясь сосредоточиться. Шрифт был настолько мелкий, что он никак не мог различить слова. Наконец, сознание выхватило несколько фраз: «Загадочное ночное убийство жены успешного банкира...», «Преступник не найден...», «Всем, кто владеет информацией, просьба сообщить...», «Подробности совершения преступления в интересах следствия не разглашаются...»

Мысли путались, он никак не мог понять, почему «ночное убийство» и почему «преступник не найден», ведь всё же было очевидно.

«Да, но, кроме меня, о произошедшем, похоже, никто ничего не знает. Значит, Роджер либо отрицает свою вину, либо просто сбежал», – от этих мыслей Мартину становилось нехорошо.

Он сжал газету в кулаке и, уже находясь в квартале от магазина, где работала Сьюзен, вдруг повернул совершенно в другую сторону. Через сорок минут Мартин входил на территорию грузовой части парижского порта *de l’Arsenal* («Арсенал»)...

– Вот уж кого не ожидал здесь сегодня увидеть, так это именно тебя, – недовольно пробасил, поправляя редкие «четыре волоса» на своей блестящей лысой голове мужчина в испачканном, держащемся на одной ляжке и с разорванным карманом на груди, комбинезоне.

– Не трогай меня, Гастон! – крикнул в сердцах вздрогнувший от звука неприятного голоса Мартин.

– Ты сегодня какой-то бешеный. Это на тебя не похоже. Что, девушка тебя бросила? – уже намного мягче спросил сияющий лысиной Гастон.

– Вроде того, – ответил Мартин, вытирая пот со лба и пытаясь обойти перегородившего ему путь верзилу.

– Тогда понятно, но имей в виду: у Мишеля все смены посчитаны, поэтому можешь не надеяться, что он втиснет тебя в график. Несмотря на то, что ты пользуешься его расположением, я не собираюсь всякий раз идти у тебя на поводу и встречать с распростёртыми объятиями. Соскучился по тяжёлой мужской работе – пожалуйста, но денег за сегодняшнюю смену ты не получишь. У Винсента родился второй сын, и сейчас все смены на неделю вперёд – его... И он указал взглядом на торопливо снимающего ящики с движущейся и лягающей ржавым железом передвижной платформы, сосредоточенного, отдувающегося невысокого крепыша в такой же грязной и местами рваной рабочей одежде.

– Да, соскучился, – кинул юноша, взяв ящик из рук продолжавшего говорить и криво ухмыляющегося Гастона...

Мартин вернулся домой глубокой ночью и, стараясь не разбудить соседей звуками «повизгивающих» ступеней на лестнице и скрежетом не закрывающейся двери, не раздеваясь, упал на кровать...

Глава 13

Всю ночь ему снилась Марго, и даже утром продолжало казаться, что она хочет что-то сказать...

До самого момента выхода из комнаты Мартин боялся даже взглянуть на портрет Марго, с каждой секундой всё сильнее ощущая, что именно он виновен в её смерти...

...Наблюдая за тем, как медленно открываются и закрываются шлюзы на речном канале, ему хотелось оказаться глубоко под землёй в водном потоке, понимая, что следующий, выходящий на поверхность шлюз, не откроется никогда...

Вдоль набережной Вальми тянулась длинная, разношёрстная и машущая разноцветными флажками туристическая группа, то ускоряя шаг, то вдруг останавливаясь, дожидаясь и подгоняя оставших зевак-путешественников, фотографирующих всё подряд на своём пути. Жизнь текла в своём привычном наивно-счастливом русле. Всё было как всегда и до боли по-другому.

Мартин, видимо, слишком долго стоял напротив стеклянной витрины магазина. С её противоположной стороны на него смотрела удивительно знакомая девушка.

Это была Сьюзен. В первые несколько секунд Мартин не сразу понял, что это она. Сознание постепенно возвращалось к нему. Глядя на неё, Мартин словно перемещался в какую-то другую жизнь и реальность. Дыхание становилось ровным и спокойным, будто он возвращался домой из очень длительной и тяжёлой поездки...

Юноша, приблизился к дверям магазина и потянул ручку на себя. Сьюзен была не одна, за кассой обслуживала покупателя серьёзная деловая дама средних лет. По поведению и интонациям в голосе можно было догадаться, что это хозяйка магазина. Она быстро и умело завернула в бумагу книги, которые, судя по яркой, красочной упаковке, были куплены кому-то в подарок, затем подзвала Сьюзен и, дав ей какое-то поручение, продолжила о чём-то беседовать с покупателем. Мартин наблюдал за Сьюзен, мысленно подбирая слова, чтобы попытаться заговорить с ней. Стоя за прилавком и перевязывая приготовленные книги, девушка изредка бросала на Мартина короткие взгляды. Хозяйка магазина проводила покупателя и вернулась к кассе. Было уже около двенадцати часов, и по обыкновению в это время из кафе напротив доносился мягкий аромат свежесваренного кофе и фирменных французских булочек. Мартину становилось неловко из-за того, что он никак не может решиться подойти к Сьюзен.

Ещё через мгновение в магазин забежала девушка лет восемнадцати в розовом платье и таких же розовых босоножках. Цоканье каблучков и звон колокольчика над дверью почему-то напомнили Мартину о Рождестве в доме его родителей.

Девушка что-то долго объясняла Сьюзен и хозяйке магазина. По её смущённому виду было видно, что она в чём-то очень здорово провинилась. Ещё через минуту Сьюзен, набросив на открытый летний нежно-бирюзового цвета сарафан лёгкую белую кофточку, направилась к выходу. Мартин тихо поздоровался и открыл дверь... На улице он остановился и, осторожно взяв девушку за руку, робко и печально взглянул на неё. На самом деле Сьюзен не думала выходить из магазина, но, увидев, что Мартин не может собраться с духом, сама решила пойти ему навстречу. Ей было абсолютно всё равно, что он скажет. Сьюзен не злилась из-за того, что он не пришёл, как обещал. Она остановилась и внимательно посмотрела на Мартина. Без слов было понятно, что у него что-то произошло.

– Сьюзен, вы можете прямо сейчас уделить мне немного времени?

– У вас что-то случилось, Мартин? – ответила она вопросом на вопрос.

– В тот день, когда мы договорились с вами встретиться... – Мартин вдруг на секунду замолчал и, словно оказавшись в незнакомом месте, странно оглянулся вокруг. Сьюзен не торопила его.

Они дошли до кафе *Soleil* («Солнце»), и молодой официант с улыбкой самого счастливого человека в мире распахнул перед ними двери. Расположившись за свободным столиком, они некоторое время сидели молча. Сьюзен видела, что Мартину трудно начать разговор. Она взяла инициативу на себя, заказав кофе и лёгкий, воздушный десерт.

– Если это что-то очень личное, Мартин, вы можете не говорить.

– Нет, Сьюзен, вы должны знать... Он сделал глубокий вдох, словно собирался опуститься на глубину. – В тот день не стало одного моего очень хорошего друга... Это всё сложно объяснить...

Сьюзен не спросила, кто это был – мужчина или женщина. Она просто смотрела на Мартина и ждала, что он будет говорить дальше. Вскоре подошёл официант, и Сьюзен сама, чтобы как-то разрядить обстановку, взяла чашку с кофе и десерт и поставила перед Мартином.

– Спасибо, Сьюзен. Вы так добры, – произнёс он, словно очнувшись от забытья.

Сделав пару глотков, Мартин оживился и впервые за эти несколько минут пристально посмотрел на Сьюзен. Сейчас она была совершенно другой. Красивые светло-каштановые волосы волнами ниспадали на плечи, брови были слегка приподняты, взгляд был полон сочувствия и невероятной нежности. Так смотрят матери и влюблённые женщины.

Мартина мучили угрызения совести. Ему казалось, что он не имеет права вот так запросто сидеть в кафе, спокойно разговаривать и пить кофе, тогда как милый сердцу образ Марго снова и снова напоминал ему о произошедшей ужасной трагедии. Он думал о том, что если бы случайно не услышал разговор за дверью квартиры Марго и сразу постучал, то убийства могло бы не произойти. Или в порыве ярости Роджер мог убить их обоих. От этой ошеломляющей мысли Мартина бросало то в жар, то в холод. Он взял Сьюзен за руку и, глядя ей прямо в глаза, тихо произнёс:

– Если вы не против, то я бы хотел встретиться с вами сегодня после работы.

– Я не против, – сказала Сьюзен, бросая взгляд на часы и давая понять, что ей пора уходить. Они допили кофе, и вышли из кафе.

– Моя смена заканчивается в шесть, – сказала она, открывая двери магазина.

– Я обязательно приду, Сьюзен.

...Тихим эхом прозвучала трель звенящего колокольчика за дверью, словно это была какая-то чудесная страна, в которой всё хорошо и все счастливы. Мартин прошёл несколько кварталов и хотел было свернуть на автобусную остановку, чтобы доехать до ближайшего сервисного центра и уточнить насчёт билетов на самолёт до Лондона. Пытаясь найти в кармане мелочь на проезд, Мартин обнаружил визитную карточку Генри Говарда и на минуту остановился. Как и в прошлый раз, он снова очень удивился тому, что, несмотря на приглашение, на визитке не было точной даты. Словно Генри каким-то невероятным образом знал, что в жизни Мартина будут иметь место события, из-за которых их встречу пришлось бы отложить.

Он спрятал визитку во внутренний карман пиджака и подумал о Сьюзен. Мартин не хотел расставаться с ней вот так, сразу. Сегодня она поразила его ещё больше, чем тогда, когда он увидел её в первый раз. Он спустился к лодкам и, вдыхая всей грудью прохладный речной воздух, не торопясь, прошёл вдоль набережной и поднялся по знакомым ступенькам в направлении автобусной остановки, чтобы как можно скорее вернуться домой.

...В комнате было не убрано, и если бы сюда снова зашёл Том, то он, наверное, поколотил бы Мартина.

Иногда Том напоминал Мартину отца, который за любую провинность мог дать хорошую затрепизну. Хотя бывали времена, когда и самого Тома нужно было вытаскивать из какой-нибудь передраги из-за неумеренного желания «порадоваться» очередной оплате его скромных апартаментов, выпивающего до утра в кабачке «Весёлый мельник».

До встречи со Сьюзен было ещё достаточно времени, и Мартин, как мог, пытался навести порядок в своей скромной холостяцкой хижине. Он не планировал приглашать Сьюзен к себе, но всё же это вполне могло произойти. Добравшись до шкафа, Мартин достал портрет Марго. Сердце его снова зануло от пронзительной боли и невозможности что-либо изменить, но оставлять портрет здесь было никак нельзя, и после недолгих раздумий он решил отправиться к Джонни.

Выставочный зал галереи *Vieux Château* («Старый замок») был полон. Мартин, как мог, пытался добраться до представительного джентльмена, хозяина галереи, находящегося в плотном кольце начинающих художников, наперебой предлагающих свои «шедевры» для предстоящего аукциона.

...Минуты три Джонни искоса наблюдал за Мартином и, когда тот подошёл совсем близко, удивлённо окликнул его, изображая радость:

– Мартин, дорогой, здравствуй! Ты же говорил, что собираешься лететь в Лондон?

– Именно поэтому я к тебе и пришёл, – ответил тот. – Хочу тебя попросить, – при этих словах Мартин оглянулся и снизил голос: – Ты не мог бы на время поместить в хранилище портрет Марго?

Он думал, что Джонни, зная о происшедшем, будет против. Но, к его удивлению, тот согласился. Более того, ему даже показалось, что Джонни обрадовался этой просьбе.

– Я знаю, что случилось. Газетчики – шустрый народ. Ты, наверное, тоже узнал об этой новости из газет? – И он кинул быстрый взгляд на Мартина. – Мне искренне жаль Марго, но она сама виновата.

Мартин внимательно посмотрел на Джонни: «Похоже, он что-то знает. Но что?»

– Когда ты уезжаешь? – настойчиво и резко поинтересовался Джонни.

– Ещё не знаю.

– Кстати, завтра похороны Марго. Ты пойдёшь?

– Скорее всего, нет, – ответил Мартин и, достав сигарету, осторожно спросил: – А как Роджер?

Он был уверен, что тот либо уже арестован, либо находится «в бегах».

– Ему очень тяжело. Он в трауре. Сестра Марго сейчас с ним, – ответил Джонни.

У Мартина кружилась голова. Он терялся в догадках и силился понять, каковы же всё-таки официальные версии убийства с точки зрения полиции.

– Джонни, а что на самом деле произошло?

– Сложно сказать, Мартин. Есть только догадки и предположения. Марго нашли утром за городом, в её личном «миникупере». Говорят, она тайно встречалась с любовником. Что там случилось, толком никто не знает. Незвестный убил Марго выстрелом из револьвера. В машине нашли пустую бутылку, сломанную запонку и разбросанные несколько сотен франков. Конечно, это не всё... Полиция сейчас встречается со всеми, с кем была ранее знакома Марго. Наверняка, скоро в газетах появятся какие-нибудь подробности.

Юноша смотрел на Джонни как будто сквозь него, думая о том, как Марго могла оказаться в машине за городом, если убийство было совершено в их с Роджером квартире.

Мартин снова попытался вспомнить всё, что произошло в тот день. В два часа дня он был возле квартиры Марго, где стал свидетелем этого жуткого разговора... В следующее мгновение выбежал испуганный Роджер. И уже через минуту Мартин вошёл в квартиру и застал умирающую Марго. Затем он положил ей в карман ключи от машины и через какое-то время покинул дом. Судя по всему, после того как Роджер понял, что случилось, он вернулся в квартиру и стал осматривать Марго. Осознав, что она мертва, он стал придумывать различные версии убийства и, обнаружив в кармане Марго ключи от машины, с наступлением темноты вывез её тело за город. Всё выглядело очень правдоподобно. Мартин вспомнил последнюю фразу Марго перед его отъездом на виноградник.

«Она как будто что-то предчувствовала, когда попросила меня положить ключи от машины в почтовый ящик... А, если бы я приехал раньше... то Марго сейчас была бы жива...»

Всё происходящее казалось Мартину дурным сном, который должен, наконец, закончиться...

– Прости, что отвлекаю тебя, Джонни. Сегодня в «Старом замке» так много посетителей. Ты готовишься к выставке? – спросил Мартин, окидывая взглядом галерею и рассматривая выставленные новые картины.

– Не совсем... Хочу на днях провести аукцион. Тебя не приглашаю. Ты же собираешься лететь в Англию.

Джонни внимательно посмотрел на Мартина и добавил:

– Старина, занимайся своими делами. Встретимся, когда вернёшься из Лондона. Уверен, тебе будет что мне показать.

Он взял из рук Мартина портрет Марго и закрыл двери хранилища.

Глава 14

Выйдя из галереи и торопливым шагом направляясь к Сюзен, Мартин продолжал думать о том, что сказал ему Джонни.

«Почему он решил, что Марго сама виновата? Ведь ещё ничего не известно и не доказано...»

Один за другим возникали вопросы, на которые Мартин не находил ответов. Он прошёл мимо кафе *Soleil* («Солнце») и, остановившись в переулке, недалеко от книжного магазина, с минуту наблюдал за полной, пожилой цветочницей в нелепой, постоянно съезжающей на глаза, выгоревшей жёлтой косынке и в странном наглухо застёгнутом вишнёвом халате, поверх которого был надет длинный светло-зелёный передник с вытянутыми, со следами пыли по краям, карманами. Не особо стараясь произвести впечатление своими незамысловатыми манерами, она отчитывала на чём свет стоит мальчишку лет десяти. Судя по разговору, это был её внук, который вместо того, чтобы привести из оранжереи свежие букеты, катался с мальчишками на велосипеде и основательно порвал штанину. Тем не менее, цветов в большой белой вазе, которые вместе с Мартином разглядывал худенький паренёк в матросской форме, было ещё достаточно. В конце концов, они взяли по букету и, порадовав пожилую цветочницу несколькими франками, разошлись в разные стороны.

Ровно в шесть Мартин подошёл к витрине магазина и остановился в ожидании Сюзен... Навстречу ему вышли две симпатичные женщины бальзаковского возраста в одинаковых нарядных шуршащих платьях. Они выглядели, словно живые куклы, завёрнутые в дорожную подарочную бумагу. Увидев скромно стоящего молодого человека с букетом в руках, они стали вспоминать, как вот так же, лет десять тому назад, их ждали молодые офицеры после рейса на пристани в порту, чтобы подарить «изумительные по красоте орхидеи и пригласить на танцы». Мартин придержал дверь и не заметил, как вслед за дамами вышла Сюзен в своём воздушном белом платье и удивительно изящной шляпке.

– Добрый вечер, Мартин! Ваш букет – просто прелесть. Лилии – мои любимые цветы, – сказала она и улыбнулась своей самой очаровательной улыбкой.

Начинался дождь, и молодые люди зашли в кафе напротив. Сразу после того как официант проводил их за свободный столик, Мартин спросил:

– Сюзен, вы давно работаете в этом магазине?

– Чуть больше года. Я переехала в Париж прошлой весной, – ответила она, с удовольствием вдыхая аромат свежих белоснежных лилий.

...Находясь в этом кафе, рядом с книжным магазином Lys Blanc («Белая лилия»), Мартин вспомнил, что именно здесь он рисовал чаще всего в первые дни после своего приезда в Париж. И совсем недавно, зная, что весной на набережных канала Saint-Martin (Сен-Мартен) по вечерам бывает много туристов, он на открытой террасе допоздна делал свои наброски.

– Сюзен, вы знаете, а ведь я бывал рядом с вашим магазином много раз, и, возможно, мы даже встречались... Случайно. Я рисовал вон за тем столиком на открытой террасе. Оттуда открывается очень красивый вид. Вечером на воде бывает много одиноких судёнышек, в которых влюблённые пары любят на закат. А вон там... – и Мартин взглядом указал на лестницу, ведущую вниз к самой набережной, – часто играет на гармонике какой-то пожилой француз, который явно равнодушен к старым морским песням и фиалкам. У него в корзине всегда есть пара-тройка таких маленьких букетиков, которые ничего не стоят, и все желающие могут просто взять любой понравившийся цветок. Я слышал, что многие здесь называют этого странного старика не иначе как – Фиалковая Душа. Забавно, правда? – И Мартин, улыбнувшись, посмотрел на Сюзен.

Сейчас он казался ей добрым, умным и очень искренним, что было абсолютно несвойственно молодым людям её немногочисленного окружения, для которых главными приоритетами в жизни были происхождение, образование и политические взгляды, а не настоящие человеческие чувства и качества.

Дождь вскоре кончился, и Мартин со Сьюзен смогли выйти из кафе. Они, не спеша, прошли вдоль канала и поднялись на мост. Мартин снял пиджак и бережно накинул на плечи девушке. Он снова вспомнил тот вечер, когда бежал в галерею *Vieux Château* («Старый замок»), прижимая к груди написанную для аукциона картину, и на секунду задумался. Сьюзен остановилась, поднесла букет к лицу и мечтательно посмотрела на юношу.

Живой аромат цветов и красота Сьюзен окончательно сводили с ума Мартина. Он всё ещё боролся с собой, ему не давали покоя мысли о Марго и о том, как он всё-таки неверно поступает, предаваясь праздности и различного рода искушениям. Но он уже ничего не мог с собой поделать. Он подошёл и страстно поцеловал Сьюзен.

Это произошло, как-то само собой и не выглядело глупо, дерзко или смешно. Сьюзен и Мартин словно были созданы друг для друга. Она – чтобы дарить красоту, молодость и вдохновлять. Он – чтобы всё это прочувствовать, запечатлеть и сохранить.

На мосту становилось холодно, и Мартин со Сьюзен спустились в ресторанчик на воде, который со стороны походил на хрустальный, прозрачный шатёр. Они были совсем одни, гирлянда огней с берега напоминала о новогодних украшениях. Где-то, под самым куполом этого «хрустального» шатра, звучала тихая и очень красивая музыка, чем-то напоминающая старинную фламандскую мелодию. Мартин, не отрываясь, смотрел на Сьюзен, но так и не решился пригласить её потанцевать. Через минуту официант предложил им шампанское и десерты и, получив согласие, удалился для выполнения заказа.

В этот момент Мартин представлял, что они вдвоём – на корабле, который вот-вот отчалит от берега... Ему хотелось уплыть как можно дальше, чтобы начать всё с чистого листа...

– Знаете, о чём я подумал сейчас? – спросил Мартин, глядя в её бесконечно прекрасные глаза.

– О чём же? – с интересом переспросила Сьюзен.

– Если бы у какого-нибудь храбреца хватило смелости изобразить человеческую душу, то, наверное, она была бы похожа на вас.

– Вы смущаете меня, Мартин, – проговорила Сьюзен, втайне желая всем сердцем, чтобы этот вечер не заканчивался никогда...

– Скажите, вы замечали, что иногда, по вечерам и ночью, на небе видны не все звёзды, а только одна? – И он загадочно посмотрел куда-то вверх, взглядом указывая на проплывающие над ними облака. – А знаете, почему?

– Нет, – ответила Сьюзен.

– Если честно, я и сам не знаю, – сказал Мартин и очень сдержанно улыбнулся. – Но, может быть, потому что это твоя звезда, и только она одна и может указать тебе твой путь.

– И какой же путь указала вам ваша звезда?

– Ещё не знаю, но она сейчас так близко, что, мне кажется, я ослеплён её сиянием и неземной красотой, и хочется просто смотреть на неё и не думать ни о чём.

– Вы романтик, Мартин.

– Да, наверное. Это плохо?

– Необычно...

Глядя на него, Сьюзен понимала, что из-за случившейся печальной истории, про которую Мартин так ничего и не рассказал, он всё ещё не расположен к более раскрепощённой беседе,

и она не хотела торопить время. После того как с лёгким ужином было покончено, Сюзен предложила вернуться в кафе *Soleil*.

– Почему именно туда? – спросил Мартин.

– Я хочу угостить вас фирменным кофе, которое готовят по особому рецепту только в этом кафе. А ещё я живу в доме напротив, и вам не придётся тратить время и провожать меня, – ответила Сюзен.

«Почему мы обязательно должны расставаться?» – думал с сожалением Мартин.

– Удивительно, Сюзен, вы не только работаете, но и живёте в самом живописном месте Парижа. У этого канала поистине уникальная история. Строительство началось в одна тысяча восемьсот двадцать втором году, а завершилось в одна тысяча восемьсот двадцать шестом. Говорят, когда его достраивали, в казне короля Карла X не хватило денег, но благодаря введённым налогам на продажу вина открытие всё-таки состоялось. Поэтому можно смело сказать, что в конечном итоге своим появлением канал *Saint-Martin* «обязан» всем тем, кто выращивает виноград и продаёт готовое вино...

Эту историю, как и многие другие, ему рассказал Джонни, когда после знакомства Мартин показал, где он обычно рисует свои пейзажи. После этого они объехали все самые красивые места в Париже и вместе купили кисти, краски и мольберт.

– Да, пройдёт всего каких-нибудь сорок пять лет, и канал *Saint-Martin* будет праздновать своё двухсотлетие...

– «Каких-нибудь»? – удивлённо переспросила Сюзен и, загадочно глядя на Мартина и прикрывая глаза цветами, проговорила: – Сорок пять лет – это очень много. К тому времени я стану старенькой бабушкой и у меня появятся внуки.

– И вы будете так же прекрасны, как сейчас, – при этих словах Мартин улыбнулся и с восхищением посмотрел на Сюзен.

...В этот поздний час в кафе *Soleil* былолюдно. Весёлая компания студентов, расположившись возле бара, шумно обсуждала удачно завершившуюся сессию и предстоящий уикенд «где-нибудь на Ривьере». Отделившись от компании, угловатый парень в мешковатом деловом костюме с громоздким фотоаппаратом в руках, заметив входящих Мартина и Сюзен, смущаясь, предложил сделать фото:

– У нас сегодня настоящий праздник! А вы такая красивая пара. Позвольте я вас сфотографирую. Вам это ничего не будет стоить, а фото я потом занесу хозяину этого кафе.

Мартин и Сюзен переглянулись и одобрительно улыбнулись молодому, весёлому студенту-фотографу...

Уютный столик, за которым они сидели вчера, был свободен. В камине напротив горели, потрескивая, ароматные поленья. Сюзен что-то сказала подошедшему к ним официанту, и уже через десять минут им принесли свежесваренный по особому фирменному рецепту кофе и хрустящие золотистые круассаны с миндальным кремом.

Несмотря на стремительно меняющуюся архитектуру Парижа и появляющиеся современные модные кварталы, на крышах домов всё ещё можно было увидеть каминные трубы. И даже летом в таких кафе, как это, вопреки мог гореть самый настоящий огонь.

В такт негромкой композиции в исполнении Мишеля Дельпеша «*Chérie Lise*» («Милая Лиз») отбивали ритм висевшие над камином круглые старинные часы, которые из-за внутренней подсветки больше походили на окно с толстыми стёклами, сквозь которое пытается пробиться робкий солнечный луч. Было ощущение, что Мартин и Сюзен находятся в своём собственном доме, а посетители кафе – их гости, которые после вечеринки замешкались и никак не могут разойтись. Сюзен нравилась спокойная медлительность Мартина. Ей казалось, что рядом с ним жизнь останавливалась, и она могла, наконец, расслышать пение птиц, шум ветра и шелест листвы. Приглушенные полутона наступающего вечера на берегах канала

Saint-Martin (Сен-Мартен) переходили в глубокие и одновременно бьющие через край яркие всплески чувственных, страстных и не поддающихся контролю желаний... Сьюзен была очаровательна. Глаза её светились тихим, невероятным счастьем, и Мартин всё сильнее влюблялся в этот полный нежности взгляд. Всё происходящее казалось ему сейчас волшебным сном, который случился в самый разгар безумного ненастья. И этот сон каким-то чудесным образом изменил всё вокруг... Мартин не мог этого объяснить, но, как и в прошлый раз на винограднике, ему казалось, что они уже были знакомы... когда-то очень давно, потом расстались на время и вдруг случайно встретились снова...

– Мне нужно будет скоро уехать ненадолго в Лондон. Хотя, честно говоря, я точно не знаю, сколько продлится эта поездка, – сказал Мартин, когда они прощались около дома Сьюзен. – В любом случае я хочу сказать, что вы мне очень нравитесь, и для меня было бы самым большим счастьем осознавать, что я тоже вам нравлюсь, хотя бы чуть-чуть. Мне нечего предложить вам сейчас. Всё, что у меня есть – это кисти, краски и мольберт. В Лондоне же я надеюсь пройти обучение живописи у талантливого художника-портретиста Генри Говарда, и если всё сложится удачно, то в скором времени смогу выставлять свои работы на аукционах и неплохо на этом зарабатывать.

– Мартин, если вы решили, значит, надо попробовать, – сказала Сьюзен. – Но, поверьте, для меня абсолютно неважно, будут ли ваши картины продаваться так же, как шедевры Пикассо или да Винчи, или вы просто станете хорошим художником, который с удовольствием выполняет прекрасные работы на заказ. Вы уже счастливый человек, потому что нашли себя.

Всё это она проговорила настолько искренне и от души, что Мартин снова на мгновение представил, как он рисует Сьюзен.

Именно сейчас, когда она глядела на него с таким нескрываемым трепетом и чувством, Мартин сам себе казался заложником обстоятельств.

В то же самое время он думал о том, что поездка в Лондон поможет решить все проблемы, и его жизнь действительно изменится.

«Ведь мы вполне могли бы поехать вместе...» Мартин приблизился к Сьюзен и, словно задавая вопрос, заглянул в её глаза, затем обнял и очень нежно поцеловал. Ему не хотелось отпускать её ни на секунду, и, точно робкий юноша из какого-нибудь романтического фильма, он вдруг опустил голову и слегка отступил назад, как будто сам испугался своей смелости. Но Сьюзен это не смутило, она протянула руку и сказала:

– Вечер был замечательный, Мартин.

– Спасибо, Сьюзен. Мы сможем увидеться завтра?

– Конечно, ведь вы обещали показать мне свои работы и написать мой портрет.

После этого она улыбнулась и поцеловала его в щёку. Сьюзен вошла в подъезд рядом со входом в магазин, и Мартин увидел, как одна за другой стали загораться лампочки в лестничном пролёте. Он ещё какое-то время стоял около подъезда, желая убедиться, что Сьюзен уже дома и у неё всё в порядке.

*Ещё через мгновение в окне над магазином *Lys Blanc* зажегся свет, и Мартин, заметив силуэт Сьюзен, представил, что он тоже находится в этой комнате, смотрит ей в глаза и восхищается её улыбкой.*

Он закурил и, не торопясь, пошёл пешком в сторону своего дома. На улице было пустынно и тихо. Изредка под его ботинками шелкали песок и мелкие камешки, совсем как в тот раз, когда он чуть не опоздал на аукцион в галерею *Vieux Château* («Старый замок»). В эту секунду Мартин подумал о Марго – о том, что уже завтра он простится с ней навсегда. И никогда больше не услышит её задорный и возбуждающий, ласковый и зовущий смех, и не будет споров по поводу его очередного неудавшегося шедевра. Воспоминания нахлынули с новой

силой, когда Мартин, поднявшись по жалобно ноющей на особый, скрипучий, манер лестнице, открыл дверь своей комнаты. Сейчас она казалась ему ещё более заброшенной и одинокой, и он даже отчасти пожалел, что отдал на хранение Джонни портрет Марго. Юноша вспомнил про кулон и попытался найти его в карманах плаща.

«Как же так? Ведь я помню, что положил его во внутренний нагрудный карман». Но ни в этом кармане, ни в других кулона не было...

«...Жаль, что нельзя вернуться в прошлое и всё изменить. Но даже если бы это было возможным, то что бы я тогда изменил?.. – спрашивал сам себя Мартин, одновременно удивляясь тому, что не может найти ответ. – И случилось ли бы это удивительное знакомство на винограднике? – Мартин снова закурил.

От одной мысли, что он мог никогда не встретить Сьюзен, ему становилось плохо...»

В эту ночь Сьюзен долго не могла уснуть. В памяти то и дело возникали образы шумных, весёлых студентов в кафе. Робкие взгляды Мартина и его редкие фразы по поводу «удивительного случая, который свёл их вместе», отзывались теплом и трепетом в душе.

В кафе напротив стало совсем тихо. Сьюзен встала и подошла к окну. Она вспомнила, как Мартин показал ей столик, за которым часто рисовал, и попыталась представить, могла ли она видеть здесь его раньше.

Сьюзен открыла окно, и лёгкий порыв ветра нежно коснулся её волос. Она не была уверена, но в эту минуту ей показалось, что пару раз она действительно видела одиноко сидящего молодого человека, который делал наброски портретов посетителей кафе, рисуя допоздна на открытой террасе набережной канала Сен-Мартен. Неужели это был Мартин? Невероятно!

«Странно, но он так ничего и не рассказал о своём друге, с которым случилось какое-то несчастье. И кто это был, тоже осталось загадкой, – думала Сьюзен. – У него очень красивые руки, – отметила она про себя, – и прямой, открытый взгляд. Взгляд даже порой более смелый, чем он сам. Очень живые и пронзительные глаза. Как будто он пытается что-то сказать, но какая-то неуверенность или страх быть непонятым не позволяют ему это сделать. Почему люди рисуют?.. Наверное, потому что они не могут о чём-то сказать словами... Я обязательно должна увидеть его картины».

В этот момент по каналу прошёл небольшой катер. Он медленно стал причаливать к залитой вечерними огнями набережной и дал сигнал немногочисленным встречающим на пристани. Чуть больше года назад Сьюзен приехала в Париж и ещё не успела обзавестись хорошими знакомыми и друзьями, кроме живущей по соседству и вечно смеющейся Розалии, пары тройки студентководнокашников, приезжающих раз в полгода на сессию в Париж, постоянно и везде опаздывающей Дианы и строгой, пытающейся всё держать под контролем хозяйки магазина Нэнси. Сьюзен не приходилось встречать из дальней поездки или провожать, осознавая всю тяжесть предстоящей долгой разлуки, близких ей по духу людей. Родителей она и раньше видела не так часто, особенно отца.

Мать, как ни пыталась скрасить её одиночество, но из-за круглосуточных дежурств в местном госпитале и постоянной усталости всё сильнее отдалялась, и общих тем с каждым разом становилось всё меньше. Оставались только книги, к которым Колетт приучила любопытную и интересующуюся всем и вся Сью ещё с детства.

И сейчас, когда они переехали, Сьюзен казалось, что виноградник – это новый, непослушный ребёнок, которому необходимо посвятить всё своё время. И матери совсем не до разговоров со взрослой дочерью, у которой уже давным-давно, незаметно для всех, началась своя собственная самостоятельная жизнь...

...Сьюзен достала книгу, которую привезла с собой из дома и, открыв на последней, чистой, странице, обнаружила листья виноградной лозы. Они всё ещё сохраняли аромат созревающего винограда. Девушка вынула из букета, подаренного Мартином, небольшой цветок и вложила его в книгу. Воспоминания о случайной встрече и сегодняшнем первом свидании, как будто навсегда, становились многообещающим началом следующей главы.

Она улыбнулась от этой мысли и радостного ощущения, что в её жизни наступают перемены. Приятные сны постепенно забирали в плен сознание Сьюзен. В какой-то момент она почувствовала, что страстно нуждается в том, чтобы Мартин оказался с ней рядом, и она могла видеть его искренние влюблённые глаза и ощущать трепет и восторг от его прикосновений.

Глава 15

Утром Мартин услышал странный шум и громкий детский плач. Он быстро оделся и открыл дверь. Это была Кэтрин. Из-за её беспрестанных всхлипываний невозможно было понять, что она говорит. Из комнаты напротив жутко пахло гарью и валил серый дым. Наощупь пробираясь к окну, Мартин открыл форточку, размахивая попавшимся под руку полотенцем. Судя по всему, Стефани что-то готовила на плите, позабыла выключить и убежала в прачечную на работу. Мартин убрал старую железную сковороду, на которой догорали чёрные угольки, и внимательно посмотрел на Кэтрин:

– Что случилось? Почему твоя мама ушла и не выключила плиту? – взволнованно спросил он.

Но девочка только плакала, и понять, что тут происходит, было абсолютно невозможно. На столе Мартин увидел сложенную вдвое бумагу, развернув которую он смог прочесть: «Уведомление». Работодатель Стефани уведомлял её о том, что прачечная, в которой она работала, закрывается и оплаты за этот месяц не будет. Подумав минуту, Мартин вышел из комнаты и через мгновение вернулся с небольшим газетным свёртком в руках. Он положил в него немного денег из тех, что дала ему Софи на поездку в Лондон. Сверху, в свободном месте над новостными колонками, он написал: «Стефани, это деньги на еду. Прошу, не отказывайтесь». Мартин присел на стул и обнял девочку, как будто это был его собственный ребёнок. Она долго всхлипывала, потом замерла на секунду, посмотрела на Мартина и, обняв за шею, положила голову ему на плечо. Какое-то время он ещё находился в комнате рядом с Кэтрин, дожидаясь, пока она окончательно успокоится, потом встал и, попрощавшись, торопливо направился к выходу. Кэтрин залезла на стул, чтобы посмотреть, как «дядя Марти» будет выходить из дома, и, увидев Стефани, которая в этот момент подходила к подъезду, радостно побежала навстречу. Мартин снова вернулся в свою комнату и прикрыл дверь, чтобы избежать ненужных объяснений...

Уже через пять минут он шёл в направлении автобусной остановки, чтобы добраться до галереи *Vieux Château* («Старый замок»), надеясь встретиться с Джонни и узнать, где именно и в котором часу состоятся похороны Марго. Выйдя из автобуса, Мартин миновал быстро и, обнаружив, что центральные двери галереи закрыты, вновь решил воспользоваться похожим на тайный лабиринт запасным входом. И, надо сказать, очень вовремя, поскольку именно в этот момент на расстоянии метра, едва ли не коснувшись его, проехало очень знакомое легкое авто. Мартину показалось, что водитель как-то уж очень резко и неожиданно развернул машину, тогда как места на дороге было достаточно и этот странный манёвр был абсолютно ни к чему. Если только водитель сознательно не хотел сбить его... Мартин остановился и, продолжая смотреть вслед удаляющейся машине, достал сигарету и закурил. Он не был до конца уверен, но ему показалось, что на заднем сидении автомобиля, развалившись в своей привычной позе хозяина жизни, с сигарой в руке сидел не кто иной, как Роджер Кауфман собственной персоной.

Некоторое время Мартин стоял в задумчивости, затем резким движением выбросил сигарету и, спустившись по знакомой лестнице, постарался как можно скорее найти своего старого друга Джонни.

Обсуждая с посетителями вопросы, связанные с аукционом, тот показывал картины и натянуто улыбался, когда речь заходила о деньгах.

– Джонни, – окликнул его Мартин.

– Мартин, что ты тут делаешь? Я думал, ты сегодня уже... – но он не договорил, потому что в этот момент мужчина весьма почтенного возраста отвлек его и с видом настоящего ценителя и знатока аукционов начал что-то вдумчиво и монотонно объяснять.

Через минуту он раскланялся с Джонни, и тот смог, наконец, подойти к Мартину.

– Ты не улел в Лондон? – спросил удивлённо Джонни.

– Нет.

– Сегодня похороны Марго. Ты пойдёшь? Хотя о чём это я? Тебе это ни к чему. К тому же, Роджер там будет, и это может вызвать ненужные разговоры. – После этих слов Джонни глубоко вздохнул и как-то странно посмотрел на Мартина.

– Ты прости, Джонни, я на минуту. Можешь сказать, где это будет?

– Ещё не знаю, но, думаю, что смогу спросить об этом у сестры Марго. Сегодня поехать на кладбище с ними я не смогу, а завтра мы встретимся с Изабель и Роджером здесь, у них на квартире. У него есть кое-какие дела, которые он хотел обсудить с одним коллекционером.

«У Роджера – дела, и он встречается с каким-то коллекционером», – с отчаяньем подумал Мартин и, с грустью взглянув на Джонни, произнёс: – Возможно, я ещё зайду к тебе перед отъездом. Прощай.

На ходу доставая сигареты, он вышел из галереи и нос к носу столкнулся с Роджером. Несколько секунд они пристально смотрели друг на друга. В это мгновение в сознании Мартина происходило что-то невероятное. Как будто время повернулось вспять и он снова оказался возле квартиры Роджера и Марго и даже услышал звук выстрела пистолета и её умоляющий, надрывный крик. Ему показалось, что всё это Роджер сейчас увидел в его глазах. Юноше становилось нехорошо...

«Значит, это была его машина, – подумал Мартин. – Странно, что он находится именно здесь, а не на похоронах Марго. Он избавился от неё, как от ненужной вещи, и продолжает жить, как будто ничего не случилось. Мерзавец! Если бы я только мог, то задушил бы его здесь и сейчас собственными руками».

Роджер, несомненно, узнал Мартина. Он остановился, на секунду задумался и, посмотрев на часы, торопливо спустился по ступенькам запасного входа. Сразу за углом стояла его машина. В ней, рядом с водителем, сидел мужчина в чёрном костюме, очень похожий на того самого официанта с «серьёзными, колкими глазками», которого Мартин видел несколько дней назад на аукционе рядом с Генри Говардом. Юноша перешёл на противоположную сторону улицы и скрылся в арке, желая дождаться Роджера и посмотреть что будет дальше...

...Спустившись в галерею *Vieux Château* («Старый замок»), Роджер прошёл в выставочный зал и остановился напротив портрета старушки в старинном церковном наряде, на раскрытой ладони которой лежал золотой перстень с выгравированным изображением льва и лошади.

– Добрый день, Роджер! – окликнул его Джонни.

Тот оглянулся с недовольным видом и резко спросил:

– Ну, что ты хотел мне сказать? У меня мало времени.

Джонни, словно не замечая тона Роджера, пригласил его в хранилище и запер двери.

– На днях ко мне в галерею заходил Мартин. Он был абсолютно не в себе, и мы до утра просидели с ним в кабачке «Весёлый мельник». Он всё время повторял что-то вроде: «Бедная Марго, я так виноват перед ней». Он очень много пил, а потом сказал: «Если бы ты видел её глаза в этот момент». Мне пришлось вызвать такси и увезти Мартина домой, иначе дело кончилось бы плохо. Это, конечно, меня совершенно не касается, но мне кажется, он что-то знает про убийство Марго. А ещё на следующий день утром в его комнате я увидел её портрет. Судя по всему, она ему позировала и не только...

При этих словах Джонни посмотрел на Роджера и покраснел.

– Зная, что Мартин крайне стеснён в средствах, я попытался уговорить его отдать мне картину под предлогом возможной продажи на аукционе, но он отказался. А вчера сам принёс портрет и попросил оставить здесь на хранение.

Роджер смотрел на Джонни, и глаза его наливались кровью.

– Сегодня Мартин снова был у меня и интересовался, где похоронят Марго. Совсем скоро он собирается лететь в Лондон на обучение к Генри Говарду, который попросил в своё время, чтобы Мартин привёз с собой одну из своих картин. И желательно, чтобы это был портрет женщины, – продолжал объяснять Джонни и, сделав небольшую паузу, как бы между делом спросил: – Так что мне делать с портретом Марго?

– Это всё?

– Да, – ответил Джонни.

– Покажи мне картину, – небрежно бросил Роджер.

Джонни достал портрет и поставил на стол.

– Боже, он действительно гениальный художник... – с замиранием сердца произнёс Роджер. – Я помню этот взгляд. В такую минуту хотелось всё бросить к её ногам, а утром я смотрел на неё, как на... – он не договорил.

– Что? – не расслышал Джонни.

– Ты ещё кому-нибудь говорил об этом? – вместо ответа вкрадчиво спросил Роджер.

– Нет, только тебе.

Роджер порылся в карманах, достал несколько купюр самого высокого достоинства и передал их Джонни.

«Значит, Генри Говард хочет заполучить нового «мастерового». Ну что ж, это как раз то, что нужно. Я объясню Генри, как с ним следует поступить», – подумал Роджер, а вслух сказал:

– Надо найти способ, чтобы избавиться от него...

– От кого? – не расслышав, переспросил Джонни.

«Этому мальчишке всё равно никто не поверит, и это уже моя забота», – не обращая внимания на вопрос Джонни, продолжал размышлять про себя Роджер.

– Портрет, безусловно, хорош, но его по понятным причинам нужно будет изменить... После этого можешь делать с ним всё, что угодно... – сказал он и, выдержав секундную паузу, продолжил: – Сегодня ты проведёшь последний ночной аукцион, затем в галерее будут проходить обычные дневные выставки. Парадный вход завтра днём можешь открыть. Работы, которые привезли вчера, заберёт сегодня ночью после завершения аукциона вот этот мужчина. – И Роджер передал Джонни визитку с именем какого-то человека. – Деньги получишь как обычно, через неделю. Ты всё понял?

Не дожидаясь ответа, он открыл дверь, прошёл в сторону чёрного хода и быстро поднялся по ступенькам.

Словно стоя на плацу и продолжая вытягиваться в струнку, Джонни осторожно выглянул из хранилища... Убедившись в том, что Роджера в галерее нет, он вернулся обратно и, выдохнув наконец, плотно закрыл за собой дверь. Трясущимися руками Джонни достал из кармана маленькую записную книжку и, отыскав нужный номер, снял трубку телефона.

– Алло! Добрый день! Мне нужно заказать звонок. Да, срочно. Англия, Лондон, ... – и Джонни продиктовал номер телефона...

...По дороге к машине Роджер время от времени останавливался и резкими движениями что-то отмечал в своём дорогом кожаном блокноте. Затем он свернул за угол, перешёл на противоположную сторону улицы и, не заметив того, что за ним наблюдают, сел в машину и тотчас уехал.

«Роджер вышел совсем другим из галереи, – подумал Мартин, выглядывая из своего укрытия и провожая машину взглядом. – Интересно, что там такого могло произойти? Если бы только Джонни знал, что за человек этот Роджер! И что их только связывает?»

Всё это казалось Мартину очень странным, но сейчас у него не было никаких других мыслей, кроме той, что сегодня он навсегда прощается с Марго и даже не сможет увидеть её в последний раз. Спустя какое-то время незаметно для себя Мартин оказался на набережной Сены и, грустно оглядевшись вокруг, почему-то подумал о том, что за всё время знакомства с Марго они не разу не прокатились на прогулочном катере, и он никогда не бежал ей навстречу с цветами в руках, а ведь она этого вполне заслуживала. Красивая и женственная, Марго в первый год их знакомства была готова на всё ради Мартина... Он поднялся в часовню на пристани и зажёл свечу.

Пламя как бы нехотя захватывало фитиль, изгибаясь из стороны в сторону. Точно так же ныла и изгибалась сейчас его душа.

Мартин мысленно просил прощения у Марго, целиком и полностью принимая всю вину за случившееся на себя...

«Она всегда была такой сильной, и, казалось, в мире нет ничего, что могло бы ей помешать добиться своего. Почему жизнь так несправедлива?», – думал он.

В часовне заканчивалась служба, и в этот момент Мартин почувствовал некоторое облегчение, как будто Марго и в самом деле всё это время была с ним, а сейчас простила, попросилась и разрешила ему быть счастливым и жить дальше.

Глава 16

Несмотря на то, что Мартин уже два года жил в Париже, друзей его можно было пересчитать по пальцам. На пристани порта *de l' Arsenal on* окликнул высокого, худого парнишку с пышной шевелюрой на голове. Мишель, который занимался исключительно сортировкой «лёгких» грузов, не входил в число хороших знакомых, но, если не было старшего бригадира, «лысого Гастона», как его все называли, мог быстро договориться, чтобы Мартина поставили на разгрузку в ближайшую смену. Поездка в Лондон всё откладывалась, и Мартину снова нужно было думать о том, чтобы заработать немного денег и не истратить всё подчистую. Небольшое грузовое судно стояло в доке, и всё, что необходимо было сделать, – это перенести ящики с фруктами на ближайший склад. Через два часа Мишель, как всегда, принёс накладную, пересчитал ящики и выдал Мартину плату за работу. Этого должно было хватить на то, чтобы купить цветы, посидеть в кафе и выпить со Сьюзен по чашечке кофе. Он поймал такси, заехал домой и, переодевшись, уже через полчаса направлялся в сторону набережной Вальми.

...Мартин не был франтом, но и не пренебрегал хорошей и чистой одеждой. Модные стрижки он относил больше к прихоти и желанию выделиться и предпочитал не тратить на это ни деньги, ни время. Поэтому густые, слегка вьющиеся и непослушные волосы все время приходилось зачёсывать назад. Ну, а когда была влажная погода, то с этим «бедствием» уже ничего нельзя было поделать. Острый и пронизательный взгляд Мартина заставлял думать, что он вынашивает какую-то серьёзную идею... На самом же деле ему просто очень нравилось наблюдать за обычными прохожими и улавливать интересные особенности их поведения, жестов, взглядов. Иногда он заходил в случайное кафе и, расположившись в укромном уголке, рисовал всё подряд.

«Да, откладывать поездку в Лондон больше нельзя, иначе мне придётся всю жизнь караулить грузовые суда в надежде на то, что рабочие в порту дадут возможность хоть сколько-нибудь заработать на разгрузке, – думал Мартин, всё ближе подходя к кафе *Soleil* («Солнце»). – В противном случае роли вечного лакея, который пытается угодить искушённой толпе, рисуя на улицах дешёвые портреты, избежать не удастся».

Он достал визитку Генри Говарда и посмотрел на неё как на выигранный лотерейный билет.

«Это действительно мой шанс, и я не должен его упустить. Если бы знать, что там впереди и как сложится вся моя дальнейшая жизнь...»

Пожилый цветочницы не было на этот раз в переулке возле женского ателье, и Мартин пожалел, что не купил цветы на пристани. Был уже конец рабочего дня, когда он вошёл в книжный магазин *Lys Blanc* («Белая лилия») в надежде увидеть Сьюзен.

Колокольчик над дверью сообщил, что в магазине появился новый покупатель, и девушка в розовом, глядя на которую сразу вспоминаешь про Рождество, приподняла голову, сидя за прилавком возле кассы, и сонными глазами посмотрела на Мартина.

– Простите, но я бы хотел увидеть Сьюзен Эмилейн. Она работает в этом магазине, – сказал Мартин, подходя к девушке и одновременно разглядывая вышитое мелким белым бисером на нагрудном кармане цветного летнего сарафана имя – Диана.

– Сьюзен отпросилась сегодня немного пораньше. И сейчас она у себя в комнате. Вход со стороны подъезда закрыли на два часа, там ремонт, поэтому можете подняться через магазин. Первая дверь слева по коридору, – и девушка указала на винтовую лестницу, которая вела на второй этаж в соседнее крыло здания.

Какое-то время Мартин стоял в нерешительности, но, в конце концов, желание посмотреть, где и как живёт Сьюзен, оказалось сильнее. Он поднялся по лестнице и, подойдя к ком-

нате, робко постучал в дверь. Не ожидая увидеть Мартина на пороге, в первую секунду Сьюзен не знала что сказать... В её взгляде читались и смущение, и волнение, и радость.

– Здравствуйте, Мартин! А как вы смогли?.. – она не договорила. – Кажется, мне всё понятно... Проходите.

Это было и приятно, и необычно – попасть в комнату к Сьюзен.

Даже здесь, на полках и в шкафу – везде были книги. В зеркале Мартин увидел взволнованного юношу, очень похожего на себя и не имевшего ничего общего с уважаемыми молодыми людьми, которых в соответствующих кругах принято было называть «золотой молодёжью». Около кровати, на изящном круглом столике, стояли в вазе раскрывшиеся во всём своём великолепии и источающие невероятно нежный и одновременно пьянящий, сладковатый аромат чудесные белые лилии... Он вспомнил их вчерашнее свидание, и это придало ему уверенности.

– Сьюзен, давайте на «ты», – предложил Мартин.

– Хорошо, – ответила она, поправляя возле раскрытого настежь окна взметнувшиеся вверх от резкого сквозняка, словно наполненные ветром паруса, полупрозрачные, светло-голубые, ажурные шёлковые шторы.

– У вас красиво и очень много света, – сказал Мартин, подходя к Сьюзен и помогая ей закрыть окно.

– Снова на «вы»? – спросила она и, развернувшись к нему, кокетливо склонила голову набок.

– Нет, – Мартин вдруг стал очень серьёзным. – Просто ты для меня очень много значишь. Я помню про твоё отношение к влюблённым... Но, думаю, мой «карантин» уже позади, я ни разу за это время на тебя не набросился. Мне можно доверять.

При этом Мартин улыбнулся и очень искренне посмотрел на Сьюзен.

– Так, значит, ты всё-таки, влюблён? – спросила она, отступая немного назад.

И её взгляд стал глубоким и пронзительным одновременно.

В этот момент Мартину казалось, что он – в густой, непроходимой лесной чаще, где яркая зелень молодой листвы и искрящиеся проблески мягкого солнечного света, взывающие к поцелую трепетные губы и подступающая к самому краю и сметающая всё на своём пути безудержная страсть...

– А разве я этого ещё не сказал? – после некоторого замешательства спросил Мартин.

– Нет, – по-своему ласково и игриво ответила Сьюзен и в ожидании посмотрела на Мартина.

– Влюблён. И очень, – произнёс он, ощущая всем своим существом огромное желание обнять и поцеловать Сьюзен.

– И что будет дальше? – спросила она с волнением в голосе.

– А дальше я очень нежно обниму и поцелую тебя, – шёпотом сказал он, касаясь губами её волос и обнимая за талию.

Чувства переполняли и Мартина, и Сьюзен. И уже ничто не могло остановить их или помешать им... До утра они оставались в комнате Сьюзен.

Мартин проснулся раньше обычного, но не потому, что кто-то барабанил в дверь или надо было собираться и ехать в аэропорт. Он вдруг чётко осознал, что впервые проснулся просто оттого, что счастлив. Уже давно не ощущая настоящей страсти – ни к жизни, ни к живописи, – ему казалось, будто благодатный источник иссяк, и вот сейчас начинает бить с новой силой.

Первый луч солнца, мелькнув робко среди занавесок и отразившись в зеркале, мягко коснулся лица Сьюзен...

«Это самое чудесное утро, которое только можно себе представить», – решил Мартин. У него не было с собой ни мольберта, ни красок, зато на столе лежали ручка и простой карандаш. На стене, возле окна, висел свежий календарь, на котором был изображён какой-то средневековый замок с причудливым фамильным гербом и развевающимися влагами на башнях. Мартин снял календарь и, перевернув его обратной стороной вверх, обнаружил абсолютно чистый лист, на котором можно было рисовать...

В семь часов утра зазвенел будильник, и Сьюзен проснулась. Мартин не спал. Всё это время он писал портрет любимой, но, зная, что будильник прозвенит точно в семь, лёг и притворился спящим. Сьюзен встала и, не замечая портрета, направилась в ванную. На полпути она остановилась и, оглянувшись, посмотрела на Мартина, который всё ещё делал вид, что спит. И тут её взгляд упал на календарь, лежащий на столе.

«Как странно», – подумала Сьюзен. Она взяла календарь в руки и хотела повесить на место.

На обороте календаря она увидела свой портрет. На нём было всё: и утренняя нега, и солнце, и едва заметная милая улыбка...

Сьюзен тихо опустила на стул, продолжая с восхищением и замиранием сердца смотреть на свой портрет. Потом она встала, подошла к Мартину и поцеловала его. Он открыл глаза и улыбнулся.

– Милый, это прекрасно, – проговорила Сьюзен.

– Ну вот, теперь ты видела мои рисунки, – сказал он.

– Просто волшебство какое-то. Как и, самое главное, когда ты успел написать мой портрет? – в недоумении спросила Сьюзен.

– В ту самую минуту, когда почувствовал себя самым счастливым человеком на свете, – ответил Мартин и нежно поцеловал ей руку.

– Никогда бы не подумала, что можно нарисовать таким красивым и одухотворённым спящего человека. Я ощущаю себя мадонной, глядя на свой собственный портрет.

– Это наше доброе утро и будущий счастливый день! – улыбнувшись, проговорил Мартин.

Он хотел сказать, что будет рисовать её всю жизнь, но в этот момент вспомнил о Марго – как говорил ей примерно такие же слова.

– Моя Вселенная – это ты, Сьюзен! Я очень люблю тебя! И мечтаю о том, чтобы мы всегда были вместе. Ещё мальчишкой я пробовал писать стихи, и даже вроде бы получалось. Когда-нибудь я обязательно напишу что-нибудь красивое для тебя и о тебе... – После этих слов он обнял и страстно поцеловал Сьюзен.

– Мартин, ты действительно очень хороший художник. Я думаю, что тебе обязательно нужно поехать на учёбу в Лондон.

Он смотрел на Сьюзен и думал о том, что она чувствует и понимает его даже лучше, чем он сам...

...Книжный магазин *Lys Blanc* («Белая лилия») открывался в девять, а кафе *Soleil* («Солнце») – в восемь. Мартин и Сьюзен спустились вниз и вышли не через магазин, а со стороны подъездов, где ещё оставался запах невысохшей краски, а под лестницей лежал сорванный плакат с яркой надписью: «Восстановительные работы». На улице было свежо. Утреннее солнце отражалось в зеркалах и окнах проезжающих мимо авто, из-за чего казалось, что сотни солнечных зайчиков перепрыгивали с одной машины на другую. Счастливый официант у входа в кафе широко улыбался, причём только тогда, когда наклонялся вперёд, радостно приветствуя прохожих, а когда выпрямлялся, то снова принимал невозмутимый вид. И почему-то он всё время поправлял бантикбабочку, который, словно настоящая живая бабочка, мог в любой

момент вспорхнуть и улететь в неизвестном направлении. В этом кафе у них уже был «свой» столик – в уютном, почти домашнем, уголке. Возле бара на стене, похожей на театральный занавес, висела картина какого-то местного художника. Она почти полностью сливалась с общим зеленоватым фоном и на первый взгляд была совсем незаметна. Сьюзен подошла ближе, чтобы рассмотреть картину получше, и на секунду задумалась. Сюжет показался ей знакомым, и она с некоторым удивлением в голосе спросила:

– Мартин, тебе не кажется, что этот пейзаж чем-то напоминает ваш виноградник? Посмотри: дом с верандой, мост и виноградная долина...

Он подошёл к Сьюзен, и, делая вид, что пристально разглядывает картину, помедлив какое-то время и загадочно улыбнувшись, ответил:

– Да, ты права, очень похоже.

Она взглянула на Мартина. В памяти живо всплыла сцена их первой встречи.

– Это же твоя картина, – глядя на его довольное лицо, произнесла Сьюзен. – Смотри, вот твой дом... Почему ты не сказал сразу?

– Всё верно. А вон там, с противоположной стороны виноградника, твой, – ответил Мартин, обнимая Сьюзен.

– Всё это время картина была здесь? – спросила она.

– Да. Я написал её два года назад, за месяц до моего приезда в Париж, а потом подарил хозяину кафе Максимилиану за то, что время от времени мог сидеть вон за тем столиком на открытой террасе, иногда обедать, пить кофе, слушать музыку и рисовать портреты посетителей кафе за чисто символическую плату.

Сьюзен слушала Мартина и думала о том, что, наверное, только по-настоящему талантливые люди, несмотря на все превратности судьбы, могут так неотступно следовать своему предназначению и зову сердца. Это даже не мечта, а нечто большее. То, что заставляет их жить именно так и никак иначе. Когда только то, что они делают, имеет настоящий, глубинный смысл, и ничто не может помешать им свернуть с пути, даже если этот путь – в неизвестность, где нет абсолютно никакой уверенности в завтрашнем дне.

– Сьюзен, а почему ваш магазин называется – «Белая Лилия»? – прервал её размышления Мартин.

– Для Нэнси, хозяйки магазина, цветок белой лилии – это олицетворение открытости, честности и красоты. Как новый белый лист..., свобода для творчества. Здесь есть и приключения, и поэзия, и учебная литература... Словом, всё для всех.

– Хорошее название, – заметил Мартин и продекламировал: – Сьюзен из «Белой лилии»...

Он взял девушку за руку и попытался заглянуть ей в глаза. Она отвела взгляд, чтобы скрыть выступившие слёзы, и Мартину становилось всё труднее решиться и сказать ей про скорый отъезд. Официант принёс им кофе с круассанами и тёплые булочки с корицей. А ещё до девяти часов утра был так называемый «сладкий час», когда можно было попробовать небольшие порции кондитерских новинок абсолютно бесплатно. Поэтому уже через минуту их стол был уставлен самыми разнообразными десертами, благодаря которым настроение немного улучшилось, как от сладких сюрпризов в детстве.

Мартин наслаждался каждой минутой, проведённой со Сьюзен. Ему начинало казаться, что если сейчас они расстанутся, то он потеряет её навсегда.

Глава 17

– Мартин, возможно, тебе трудно решиться, но всё же скажи, когда ты собираешься лететь в Лондон? – спросила Сьюзен, поправляя чёлку и открывая при этом невероятно выразительный взгляд.

– Меньше всего на свете я хотел бы уезжать именно сейчас, – ответил он, с восхищением и каким-то благоговением глядя в её глаза.

Сегодня она была в белом, элегантном приталенном платье, которое облегалo и подчёркивало её изумительную фигуру, и в лёгком голубом плаще, на лацкане которого был пришпилен небольшой цветок, похожий на изящную миниатюрную белую лилию. Зеленовато-серые глаза, казалось, звали куда-то в горы и даже выше, под облака, откуда видна вся земля, как на ладони, и ты не торопишься возвращаться, потому что просто не понимаешь... зачем.

– На днях мой отец приезжает в Париж. У него тут какие-то дела, связанные с виноградником. Мы могли бы встретиться в этом кафе все вместе, – с надеждой в голосе произнесла Сьюзен.

– Да, это было бы замечательно, – согласился Мартин. На самом деле он не горел большим желанием встречаться с её отцом. Мартин хотел эти несколько дней провести со Сьюзен.

Часы, висевшие над камином, тихим щёлканьем послушных стрелок давали понять, что до начала рабочего дня остались считанные мгновенья, а Сьюзен и Мартин так ни о чём и не договорились. Через минуту они вышли из кафе и, остановившись на перекрёстке, долго не решались проститься. Мартин сдержанно приобнял Сьюзен и поцеловал в щеку. Не проронив ни слова, она перешла через дорогу, достала ключи, открыла дверь и, не оглядываясь, вошла в книжный магазин. В этот раз даже звона колокольчика не было слышно...

«Подожди, Сьюзен», – как будто где-то внутри себя тихо произнёс Мартин. Не обращая внимания на светофор и приближающиеся машины, он перебежал на противоположную сторону улицы и вошёл в магазин вслед за Сьюзен. Она стояла около прилавка, опустив голову, словно не верила, что вдруг осталась совершенно одна.

– Я не могу так, – встав у неё за спиной и нежно обняв за плечи, сказал Мартин.

Сьюзен повернулась, и они поцеловались.

– Ты ведь можешь попросить, чтобы тебе дали два дня выходных? – спросил он.

Она едва сдерживала слёзы. Магазин был уже открыт, и в любой момент могли зайти покупатели. Именно в эту минуту вошла Нэнси и, увидев, что Сьюзен до сих пор не приступила к своим обязанностям, решительной походкой направилась к кассе. Мартину пришлось разыграть «серьёзную деловую брюнетку», представившись художником, который хотел бы в знак признательности подарить этому чудесному магазину одну из своих картин. Нэнси расплылась в своей самой неискренней улыбке, сказав при этом, что была бы рада как можно скорее увидеть подарок.

Мартин умел производить впечатление, особенно на женщин средних лет. Этому он научился, делая бесконечные наброски и рисуя портреты элегантно одетых и романтически настроенных дам в кафе и на набережной канала Сен-Мартен. Сьюзен постепенно пришла в себя, и Мартин, пообещав хозяйке магазина *Lys Blanc* сегодня вернуться с картиной, направился к выходу. Отпросившись у Нэнси на пару минут, Сьюзен вышла вслед за ним и прикрыла за собой дверь. На улице Мартин обнял её и пообещал, что вернётся очень скоро и попробует уговорить строгую хозяйку магазина, чтобы та дала Сьюзен выходной хотя бы на завтра. У него была одна-единственная картина, которую уже сегодня он мог представить в качестве подарка...

Мартин дошёл до пристани и торопливо поднялся на платформу речного трамвайчика, который как раз в эту минуту дал сигнал о своём отправлении...

...Возле «Старого замка» стояло несколько уважаемых авто. Складывалось впечатление, что там проходила самая настоящая выставка. «Как это необычно, – подумал Мартин. – Галерея работает днём, как простой выставочный павильон». Парадный вход был открыт, и в этот момент Мартин сам себе казался полноправным участником будущего аукциона, где он или дорого продаст, или купит за баснословные деньги какой-нибудь выдающийся шедевр. Он вошёл в зал и застал Джонни за беседой со сгорбленным пожилым мужчиной, который время от времени постукивал тростью о пол.

– Ну что же, был рад вас вновь увидеть, – сказал Джонни, кланяясь и поспешно заканчивая разговор, после чего переключился на Мартина: – Мартин? Ты что, всё ещё в Париже?

Джонни подходил к юноше и одновременно провожал взглядом сгорбленного пожилого мужчину.

– Что случилось? Ты не летишь в Лондон? – Джонни продолжал вполголоса торопливо задавать вопросы, при этом оглядываясь, словно боялся, что его кто-нибудь мог услышать ещё, кроме Мартина.

– У меня к тебе есть небольшое дело. Помнишь, я оставлял тебе картину? – Отвечая Джонни, в этот момент Мартин заметил, как тот напрягся и изменился в лице. – Ну, та, на которой мост, лодки и всё такое?

Джонни выдохнул и спросил:

– Да, конечно, а что, у тебя появился на неё покупатель?

– Можно сказать и так, – слегка улыбувшись и вспомнив в этот момент неожиданный разговор с Нэнси, ответил Мартин. – Ты можешь мне её сейчас отдать?

– Само собой. Пойдём, – сказал Джонни.

Они прошли в большой зал картинной галереи. Посетителей было много, и это казалось непривычным, учитывая то, что раньше Джонни открывал галерею исключительно для аукционов и только в вечернее время.

– Ты сменил амплуа? – спросил Мартин, оглядываясь по сторонам.

Джонни находился в некотором напряжении, и шуточные слова воспринял с нескрываемым недовольством.

– Я тебе потом всё объясню, – резко ответил он.

В этот момент его отвлекли, и Джонни попросил своего помощника Себастьяна проводить Мартина в хранилище и выдать картину.

Мартин вспомнил, как ещё совсем недавно принёс сюда на хранение портрет Марго.

«Удивительно, но я до сих пор помню тот день, когда рисовал её. Она всё время целовала меня, смеялась и не давала сосредоточиться». В следующую секунду Мартину до безумия захотелось увидеть её портрет.

– Послушайте, Себастьян, – сказал он. – Здесь где-то должен быть портрет женщины в синем платье. У неё такие красивые, глубокие карие глаза и...

– Действительно, был такой портрет. Но он продан, – прервал его на полуслове Себастьян.

– Как – продан? – не понял Мартин. – Вы что-то путаете. Женщина в синем платье... Эту картину не должны были продавать.

– Я ничего не путаю. Этот портрет был продан прямо перед аукционом, – сказал Себастьян и, отыскав наконец то, о чём попросил его Джонни, недовольно покосился на Мартина.

– Подождите, я сейчас. – Мартин хотел было вернуться в зал, чтобы найти своего приятеля Джонни, но тот и сам уже направлялся к нему, словно вспомнил что-то очень важное и хотел обсудить это с ним.

– Джонни, ты что, продал портрет Марго? – с нетерпением и отчаяньем в голосе громко спросил Мартин.

– Тише ты, – снова недовольно ответил тот, закрывая дверь за выходящим из хранилища Себастьяном. – Не называй, пожалуйста, её имени. Ведь убийцу Марго так и не нашли.

– Подожди, я не понимаю, как это связано? Ты продал портрет Марго. Кому?

– Не знаю. Я этого человека видел первый раз в жизни.

– Тогда почему он купил именно портрет Марго? – недоумевал Мартин.

Джонни хотел было достать сигарету, чтобы закурить, но вместо этого быстро переложил пачку в другой в карман. Он не находил себе места, говорил шёпотом и всё время оглядывался.

– Мартин, я и сам хотел тебе рассказать... – Джонни медлил, – перед аукционом мы всегда показываем потенциальным покупателям некоторые работы. В тот день он и в самом деле был в галерее в первый раз и посмотрел много картин. Я и не собирался выставлять портрет Марго на аукцион, но когда этот странный незнакомец случайно увидел картину, то сразу сказал, что покупает её без торгов. Послушай, я назвал ему заведомо высокую цену в надежде, что он откажется.

Джонни лукавил. Он задумал продать портрет в тот самый день, когда увидел его у Мартина в комнате, а этот таинственный покупатель был как нельзя кстати.

– Ты только представь, Мартин, я запросил десять тысяч франков, и он сказал «да». Ну не мог же я ему отказать!

У Мартина снова бешено застучало в висках, как в тот самый момент, когда он стал свидетелем смерти Марго.

– Зачем ты продал портрет? Ведь я же просил тебя, Джонни! – воскликнул он и схватился за голову.

– Мартин, ты наивный, как ребёнок. Скажи спасибо, что я продал его до того, как ко мне пришёл следователь Рене Гранден. Он сейчас встречается со всеми, с кем ранее общалась Марго. Не исключено, что он и к тебе придёт. Я думаю, что Роджер знал, что вы встречались с Марго, и вполне мог рассказать об этом следователю.

Джонни был совершенно прав в том, что Роджер мог бы уже давно дать показания против Мартина. Он был ревнив и злопамятен, а смерть Марго могла бы стать прекрасной возможностью отомстить любовнику своей жены и самому постараться уйти от наказания. От этой мысли Мартину становилось не по себе.

– Послушай, друг, картина продана, и тебе причитается пятьдесят процентов. Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, но это всего лишь портрет. А портреты, как и любые другие вещи и картины, продаются и покупаются. Кстати, ты просил вернуть тебе твой пейзаж. Слышишь?

Джонни достал картину, и, завернув в несколько слоёв упаковочной бумаги, положил на стол.

Мартин не верил своим ушам. Портрет Марго был продан за десять тысяч франков абсолютно без торгов. Он не понимал, что творилось в его голове.

С одной стороны, Мартин безумствовал оттого, что большие никогда не увидит портрет Марго, и хотел просто убить за это Джонни, с другой, он почувствовал, что уловил какой-то секрет, благодаря которому его работы стали продаваться, и не просто за какие-нибудь сто-двести франков, а за очень приличные деньги!

– Ладно, Мартин! – Джонни словно вернул юношу из забытья. – Вот, возьми.

Он достал из сейфа и передал Мартину деньги, которые причитались ему за продажу картины.

– Я понимаю, как тебе тяжело, – сказал он. – Но, пойми, это жизнь. Думаю, Марго сейчас тоже была бы рада, узнав, что твои картины продаются, и ты растёшь как художник. Мне

кажется, она всегда искренне желала тебе этого. Помнится, ты просил меня продать твой пейзаж, но у меня купили портрет Марго, и сейчас у тебя есть деньги для того, чтобы ехать в Лондон... Поэтому не теряй время.

Джонни, как все продавцы, умел говорить красивые речи. Мартина бросало то в жар, то в холод. Ему очень хотелось узнать, кто же приобрёл портрет Марго, да ещё и за такую неслыханную цену. В этот момент ему показалось, что Джонни как-то странно на него смотрит, словно чего-то не договаривает. Он вспомнил, как принёс портрет Марго в галерею Джонни и как тот обрадовался, а уже через день Мартин столкнулся в галерее с Роджером.

«А что, если тогда в кабачке я всё-таки проговорился Джонни про убийство Марго, а тот в свою очередь рассказал об этом Роджеру? Тогда Роджер либо сам убьёт меня, чтобы убрать свидетеля, либо подкупит следователя и сделает из меня убийцу. Боже, что же мне делать?» – думал Мартин.

– Ты обещал узнать, где похоронили Марго, – проговорил юноша, ощущая себя в какой-то прострации и не понимая, что ему делать в следующую минуту. Джонни рассказал ему, как найти могилу Марго, и они расстались. На улице Мартин какое-то время стоял, жадно глотая свежий воздух. У него всё кружилось перед глазами: картины, Марго, Роджер, испуганный Джонни. Он очнулся от визга тормозов и ругани водителя, долетавшей из машины. Погрузившись в глубокие размышления, Мартин незаметно для себя вышел на проезжую часть и чуть не угодил под колёса автомобиля.

«Нет, я не могу поверить, что Джонни смог пойти на такое. И всё же... Конечно, я не должен был приносить в галерею портрет Марго, но что же было делать?» – Мартин злился сам на себя и на Джонни из-за того, что портрет был продан у него за спиной. Но зато сейчас у него на руках была сумма, которой вполне хватило бы и на поездку, и на первое время жизни в Лондоне, тем более что деньги, которые он привёз от Софи, таяли на глазах.

«Наверное, Джонни прав, и самым верным решением будет прямо сейчас, не откладывая, уехать в Лондон», – думал Мартин. Ему казалось, будто сама Марго незримо помогает ему...

Глава 18

Мартин решил заехать к себе на квартиру, чтобы немного передохнуть и подумать, что ему делать дальше. На улице моросило. Он поднял воротник пиджака и, плотнее прижав к себе картину, перепрыгивая через лужи, в скором времени добрался до ближайшей остановки. Несмотря на толчею в автобусе, Мартин не мог избавиться от грустной, безнадёжной пустоты, которая постепенно заполняла его душу и сердце, словно он вдруг оказался один в огромном городе, и единственным человеком, который мог всё изменить, была Сьюзен. Дождь усиливался, автобус покачивался на поворотах, и в эти моменты с крыши по окнам потоком текла вода.

Выходя на остановке, Мартин заметил знакомый силуэт женщины, которая шла по противоположной стороне улицы. За ней едва успевала маленькая девочка лет пяти. Обе несли какие-то тюки с вещами: женщина – два больших в руке и один за спиной, девочка – небольшой малиновый узелок с торчащими заячьими ушами. Мартин узнал их – это были Стефани и Кэтрин. В пригороде жила мать Стефани, и, по всей вероятности, они с малышкой решили уехать из Парижа. Каким бы прекрасным и замечательным ни был этот город, но жить здесь и растить дочь в одиночку, имея столь немногочисленные доходы, как у Стефани, было бы крайне затруднительно.

Мартин поднялся на свой этаж... Рядом с бывшей комнатой Стефани и Кэтрин висела табличка с надписью: «Сдаётся». Он приоткрыл дверь и заглянул внутрь. В комнате было пусто. Старая, покосившаяся мебель навевала грусть и тоску. На полу валялся мелкий мусор и обрывки верёвки, которой, судя по всему, Стефани перевязывала тюки с вещами.

«Конечно, она поступила правильно, – думал Мартин. – С матерью ей будет намного легче, и ребёнок, опять же, всегда под присмотром». Около окна, между шкафом и полками для посуды, висели портреты Стефани и Кэтрин. Мартин сам когда-то посоветовал повесить их именно сюда, потому что здесь идеально рассеивался свет, и портреты смотрелись очень естественно. Он улыбнулся, вспомнив, как рисовал мать и дочь. «Стефа», как её называли все соседи, ужасно стеснялась при позировании и всё время опускала глаза в пол. Мартину стоило немалых усилий уговорить её смотреть прямо ему в глаза. У неё были кудрявые, огненно-рыжие волосы и очень печальный взгляд. Мартину казалось, что Стефани вообще в тот момент не верила, что он умеет рисовать. Она говорила:

– Мартин, даже если ничего не получится, вы всегда можете прийти и сесть вместе с нами за стол.

Стефани очень хорошо готовила, и Мартину нравилось, когда её маленькая дочь забегала в его комнату и громко спрашивала:

– Дядя Марти, а ты хочешь есть?

Когда же он работал над портретом Кэтрин, девочка вертелась так, что приходилось изображать её практически по памяти...

Стефани приехала в Париж задолго до Мартина, мечтая научиться шить и открыть своё ателье, но мечты её разбились, как хрупкая новогодняя игрушка, которая выскользнула из рук в самый неподходящий момент. Поначалу она действительно поступила учиться и уже начала работать, но подруга познакомила её с каким-то бравым военным, который, увидев, что перед ним наивная, провинциальная девушка, не преминул этим воспользоваться. А как только этот «герой» узнал, что Стефани беременна, он её бросил.

...Мартин снял портреты и унёс их в свою комнату. Там они уже были никому не нужны.

Одиноко сидя на кровати и глядя в приоткрытую дверь, он сам себе казался каким-то потерянным странником, который никак не может найти дорогу домой...

«Да, Роджер, обладает достаточной властью и положением в обществе и сделает всё возможное, чтобы отвести от себя подозрение в убийстве несчастной Марго, – думал Мартин, – и, что ещё ужаснее, легко сможет убедить следователя, что в этом замешан кто-нибудь из её любовников». Всё это усиливало его напряжение ещё и потому, что он знал абсолютно точно, что Марго не встречалась больше ни с кем, кроме него.

Спустя сорок минут, уже подходя к магазину, где работала Сьюзен, Мартин продолжал думать о том, что сказал ему Джонни. Он вдруг очень чётко осознал, что в любой момент к нему действительно могут прийти и начать задавать вопросы относительно их связи с Марго. Без вины виноватый, в эту минуту он чувствовал себя преступником, которому просто необходимо бежать.

Он зашёл в книжный магазин *Lys Blanc* в надежде увидеть Сьюзен и Нэнси и вручить подарок. За кассой стояла напарница Сьюзен, Диана, и, что-то старательно объясняя, обслуживала покупателя. Мартин представлял себе, что Сьюзен поднялась ненадолго в свою комнату и через некоторое время спустится. Прошло уже минут десять, в магазин заходили новые покупатели, а она всё не спускалась. В конце концов, Мартин решил сам подойти к Диане, чтобы узнать, где может находиться Сьюзен, но в этот момент путь ему преградила Нэнси, которая, увидев Мартина, снова широко заулыбалась.

– Ну, вот и вы. А я уж подумала, что вы надо мной подшутили...

Мартин поначалу растерялся, но потом вспомнил про картину, которую пообещал Нэнси в качестве подарка.

– Ах, да, – ответил он. – Вот, смотрите.

Мартин снял упаковку и показал пейзаж. Видимо, картина пришлась по вкусу, и Нэнси, улыбаясь ещё шире, стала изо всех сил благодарить симпатичного, голубоглазого юношу...

– Хорошо, хорошо, – сказал тот. – Я хотел узнать: а где девушка, которая работала сегодня утром?

– Сьюзен? – спросила хозяйка магазина, и её томная улыбка тут же сменилась на недовольную гримасу.

– Да, Сьюзен. – В этот момент Диана проводила покупателя и подошла к беседующим Мартину и Нэнси.

– Она у себя наверху, – сказала девушка. – К ней приехал отец.

Мартин почувствовал, что они чего-то недоговаривают.

– Что-то случилось? – спросил он.

– А вы хорошо знакомы со Сьюзен? – в свою очередь спросила Диана.

– Да, мы встречаемся, – ответил Мартин.

– Тогда вам лучше самому подняться и всё узнать. – При этом она как-то странно посмотрела на Нэнси и опустила голову.

Мартин торопливо поднялся на второй этаж и постучался в комнату Сьюзен. Она открыла дверь и медленно прислонилась к его плечу.

– Что случилось? – взволнованно спросил он.

– Мама умерла, – ответила Сьюзен и взглянула на него глазами, полными слёз.

Мартин не знал, что сказать. Он очень заботливо обнял Сьюзен, закрыл дверь, и они прошли в комнату. Около стола, обхватив голову руками и покачиваясь из стороны в сторону, словно маятник от часов, сидел Жак. В следующую секунду он замер и, посмотрев на Мартина, тихо произнёс:

– Такое горе, такое горе...

Вероятно, он продолжал бы повторять эту фразу снова и снова. Но в этот момент Сьюзен подошла к отцу и, присев рядом, взяла его руки в свои. Мартин впервые видел, как плачет

взрослый и сильный мужчина. Слёз не было. Он плакал где-то глубоко внутри себя, но эту боль Мартин почувствовал как свою и невольно прослезился.

– Как это произошло? – спросил он у Сьюзен.

– Сегодня утром. Сердце...

Мартин сразу вспомнил эту милую, изящную женщину, которой он так восхищался на винограднике, годовщину свадьбы и споры о пирогах.

– Что вы дальше будете делать? – спросил он.

– Сэм должен приехать с минуты на минуту, и мы все вместе поедem на виноградник, – ответила Сьюзен.

– Я поеду с тобой, – сказал Мартин.

– А как же твоё обучение в Лондоне?

– Думаю, я гораздо нужнее тебе сейчас здесь.

Сьюзен с благодарностью посмотрела на Мартина и, тяжело вздохнув, со слезами в голосе произнесла:

– Я увольняюсь из магазина и переезжаю к отцу. Он без меня не справится.

– Да, конечно. Всё правильно, – сказал Мартин.

Жак сидел за столом и непонимающе смотрел в пустоту. Сьюзен периодически вставала, отходила к окну, потом возвращалась к отцу и пыталась о чём-то с ним говорить, но он только кивал головой и что-то бубнил себе под нос.

За сравнительно короткое время некогда статный и уверенный в себе мужчина превратился в раздавленного и потерянного старика.

Сьюзен понимала, что только от неё сейчас зависит, как скоро отец придёт в себя и поймёт, что надо собрать всю свою волю в кулак и продолжать жить дальше. Она надеялась, что, когда они вернутся на виноградник, отец со свойственной ему принципиальностью снова возьмётся за дело, и они смогут пережить это нелёгкое время.

Вскоре послышался протяжный автомобильный гудок, и Сьюзен выглянула в окно. Это был Сэм. Мартину на мгновение показалось, что сейчас он, как в детстве, встанет на подножку машины, и они поедут вдоль виноградника, потом будут долго катить по извилистой, пыльной дороге меж оврагов и длинных лесных массивов, пока не свернут на ферму к Сэму...

Все вещи были собраны, и можно было спускаться к машине.

– Отец, надо идти, – сказала Сьюзен и осторожно тронула его за плечо.

Мартин помог Жаку встать, и они, пройдя по длинному, тёмному коридору в сторону лестничного пролёта, который всё ещё был завален всяким ремонтным хламом и мусором, стали медленно спускаться вниз. Сьюзен в последний раз оглядела комнату, затем сняла со стены календарь, на обратной стороне которого Мартин написал её портрет, и снова глубоко вздохнула. Всеми силами пытаясь остановить подступающий к горлу ком и не разреветься по-настоящему, она вышла вслед за Мартином и Жаком, и, заперев дверь, спустилась по лестнице в магазин. Нэнси взяла у неё ключи и отдала последние причитающиеся ей деньги.

– Сью, смотри, какой красивый пейзаж нам подарил твой знакомый, – сказала Диана и виновато опустила голову.

Сьюзен прикоснулась к картине и попыталась улыбнуться, вспоминая утренний разговор с Мартином... Сейчас ей казалось, что здесь она оставляет нечто большее, чем просто хорошую и интересную работу. Она любила этот магазин, свою комнату и вид из окна и не верила в то, что мамы больше нет. Как будто жизнь самой Сьюзен оборвалась в один момент. Всё перестало иметь смысл, словно кто-то вдруг выключил свет, и ты навсегда остался один в крошечной темноте... Сьюзен с грустью взглянула на длинные стеллажи, на которых были выставлены только что распакованные книжные новинки, и в последний раз обнялась с Дианой и Нэнси.

Глава 19

Мартин помог Жаку сесть в машину и, подойдя к магазину, остановился, ожидая Сьюзен. Он вспомнил день, когда они вместе приехали в Париж, как зашли в магазин, и она показала свою любимую книгу... «Как же много всего произошло за такое короткое время...»

– Мартин, дружище, поторопи Сьюзен. Здесь нельзя долго стоять, – обеспокоенно крикнул Сэм.

Юноша хотел было открыть дверь, но в эту минуту Сьюзен сама вышла ему навстречу, успев напоследок сказать тёплые слова прощания Диане и Нэнси.

– Сьюзен, надо ехать, – тихо проговорил Мартин.

Он взял из её рук сумку, и они пошли к машине.

– Жалко прощаться с этим местом, – как будто не до конца осознавая всю глубину случившегося или пытаясь таким образом переключить свои мысли и в очередной раз не заплакать, сказала Сьюзен.

Она посмотрела на свои окна, на открытую летнюю террасу её любимого уютного кафе *Soleil* на набережной канала Сен-Мартен и на старого моряка, сидевшего к ним спиной на ступеньках спуска на пристани...

– Может быть, мы сюда ещё вернёмся... когда-нибудь – постарался утешить её Мартин.

Фургон Сэма сегодня был без прицепа, поэтому ехал быстро, подскакивая на каждой кочке. Жак, по всей видимости, хлебнул из фляги, которую предусмотрительный Сэм доверху наполнил виски после того, как сегодня утром заехал к ним на виноградник...

...Жак и Колетт встретили Сэма возле дома и, несмотря на то что на улице стояла невыносимая жара и нещадно палило солнце, долго говорили том, что было бы неплохо всем вместе съездить в Париж, сделать покупки и устроить сюрприз Сьюзен, приехав неожиданно к ней в магазин. Через час Колетт почувствовала себя нехорошо и, сославшись на сильную головную боль, поднялась к себе в комнату. Находясь в гостиной с Сэмом, Жак несколько раз попытался позвать Колетт и, не дождавшись ответа и словно что-то предчувствуя, сам направился к ней. С Колетт случился сердечный приступ, и Жак с Сэмом не успели доставить её в больницу. Она умерла у Жака на руках. Перед самым концом Колетт чуть слышно произнесла: «Я очень люблю тебя и Сьюзен. Мне так много хотелось бы вам сказать. Пожалуйста, берегите друг друга и будьте счастливы. Обещай мне!»

После этого она долго, без слов, смотрела на Жака, словно хотела сохранить его образ в своём сознании...

...Сэм время от времени бросал робкие, виноватые взгляды в зеркало заднего вида и тяжело вздыхал, наблюдая то, в каком подавленном состоянии находится Сьюзен. Жак продолжал что-то бессвязно бормотать, сидя в машине рядом с Сэмом, потом закрыл глаза, стал медленно оседать и, в конце концов, уснул. Мартин обнял Сьюзен и взял её за руку.

– Если бы я мог всё изменить, – сказал он.

– Ты уже сделал для меня очень много, – ответила Сьюзен. – Спасибо тебе за всё.

Она коснулась рукой его лица и нежно поцеловала. У Мартина защемило сердце от осознания того, какую боль сейчас испытывает Сьюзен. Он вспомнил, как сам когда-то, после смерти отца, чуть не потерял мать. Софи сильно переживала смерть Грегора и, если бы не присутствие и помощь сына, вряд ли справилась с таким несчастьем. Всю дорогу, пока они ехали на виноградник, Мартин держал Сьюзен за руку и пытался сохранять спокойствие. Он понимал, что самое трудное ещё впереди. Уже подъезжая к видневшейся вдалеке виноградной долине, Сэм почему-то остановил фургон и вышел.

– В чем дело? – поинтересовался Мартин.

На дороге лежала собака. Видимо, кто-то сбил бедного пса и не позаботился о том, чтобы убрать труп несчастного животного с дороги. Мартин не стал пугать Сьюзен и, сказав, что у них просто барахлит мотор, вышел из машины. Мужчины оттащили останки пса на обочину, присыпали землёй и закурили.

– Тяжело им придётся, – проговорил Сэм, с грустью поглядывая на кабину фургона, в которой продолжал дремать обессиленный Жак, – он любит приложиться к бутылке. Твой отец был покрепче на этот счёт. Жак и Колетт сильно ругались из-за его постоянного желания выпить рюмочку-другую. Думаю, это тоже повлияло на то, что случилось. – Он стряхнул пепел и спросил: – А ты как? У вас со Сьюзен серьёзно? Она чудесная девушка, и отец её очень любит.

– Надеюсь, что серьёзно, – ответил Мартин и тихо добавил: – Ведь я тоже её люблю.

В этот момент из фургона вышла Сьюзен и, непонимающе взглянув на обоих, взволнованно спросила:

– Что-то случилось?

– Всё в порядке, – ответил Сэм. – Можно ехать.

Через пятнадцать минут они уже были возле дома родителей Сьюзен. Мартин помог выйти Жаку и проводил его до веранды. Тот абсолютно не стоял на ногах, и пришлось приложить немало усилий, чтобы увести его в комнату. Сэм занёс вещи, и они вместе с Мартином уложили Жака на кровать. Сьюзен молча сидела в кресле в гостиной и в задумчивости смотрела в пустоту.

– Мартин, я уезжаю. Ты присмотри за Жаком. А завтра я приеду, и мы подумаем, что делать дальше, – сказал Сэм, усаживаясь в машину.

Вслед за Мартином к фургону подошёл высокий мужчина в потёртой кожаной куртке со щетиной трёхдневной давности. Это был Луи, помощник Жака – на голову выше Мартина, с голосом, похожим на звук утреннего горна.

Неудивительно, что Жак взял в помощники именно его, хотя выбирать особо не пришлось, так как это был его племянник, который, прослужив в соседствующей с ним воинской части около десяти лет и женившись, не совсем удачно приземлился после прыжка с парашютом. Он сломал себе ногу и серьёзно повредил коленную чашечку, из-за чего был навсегда лишён возможности снова подняться в небо, и пребывал в полном отчаянии. Сердобольный Жак предложил Луи пожить у него и по мере возможности помогать на винограднике, но Софи уговорила Жака временно разместить у себя горемычного племянника и его любимую супругу, пока тот окончательно не встанет на ноги.

– Здравствуйте Сэм. Не беспокойтесь. Завтра Жак будет в форме. Обещаю, – сказал Луи.

– Ладно, парни. Уверен, что вы с Мартином как следует проследите за ним. Самое главное – не давайте ему больше пить, а то не дай Бог... Я уже и так чувствую себя виноватым. – И Сэм, захлопнув дверцу кабины, стал медленно разворачивать машину, чтобы выехать на главную дорогу.

Мартин и Луи поднялись в дом. В первую минуту казалось, что гостиная и всё, что в ней находилось, приобрели какой-то тяжёлый, серый оттенок. Занавески были плотно задёрнуты, вокруг стола стояло несколько стульев, на одном из которых висела накидка Колетт. Сьюзен подошла к накидке, аккуратно сложила и убрала в шкаф.

– Луи, у нас не было возможности познакомиться раньше. Меня зовут Мартин. А вы – помощник Жака?

– Да, Жак – мой дядя. Мы приехали вчера, чтобы помочь ему на винограднике, но ваша матушка любезно предложила нам с супругой временно пожить у неё, – ответил Луи. – У Джулии скоро должен родиться ребёнок, и Софи сказала, что у неё нам будет намного лучше. К тому же, после моей травмы на службе компрессы Софи в буквальном смысле за одну ночь поставили меня на ноги. Она очень добрая и великодушная женщина.

– Да, вы правы, – сказал Мартин. – Что же, получается, вы и Сьюзен – двоюродные брат и сестра. Хорошо, что вы приехали, Луи. Искренне рад знакомству. – И Мартин пожал ему руку. – Луи, вы тогда, пожалуйста, передайте Софи, что сегодня я останусь здесь, а завтра утром мы с ней обязательно увидимся.

– Хорошо, Мартин. Сьюзен, вам что-нибудь нужно? Если хотите перекусить, на кухне есть пирог и молоко. Простите, мне нужно идти.

Сильно припадая на левую ногу, Луи дошёл до веранды, потом оглянулся и сочувственно посмотрел на Сьюзен. Она и Мартин остались одни в гостиной, время остановилось для них, словно начиная отсчёт для новой, другой, жизни. Сьюзен села за стол и печально взглянула на Мартина. Она не знала, что говорить и что делать.

– Сьюзен, давай я налью тебе чаю, – сказал он.

– Нет, просто посиди со мной.

Он придвинул стул ближе и сел рядом.

«Бедная Сьюзен, – подумал он. – Столько тоски и боли я ещё никогда не видел в её глазах».

– Тебе надо отдохнуть, – сказал Мартин. – Давай я провожу тебя в твою комнату.

– Да, наверное, ты прав, – ответила она. – Нам всем надо отдохнуть. Завтра предстоит тяжёлый день.

Они поднялись наверх, и Сьюзен, не раздеваясь, прилегла на кровать.

– Мартин, побудь со мной, – попросила она, пытаясь укрыться с головой лёгким, цветастым пледом.

Он прилёг рядом и обнял её. Какое-то время они лежали молча, прислушиваясь к друг другу. Потом Сьюзен повернулась к Мартину и тихо произнесла:

– Знаешь, мама очень много читала мне. Это всё её книги. Отец часто был в отъезде, и мама, чтобы я не чувствовала себя одиноко без него, всё время что-нибудь читала или рассказывала. Она всегда старалась быть рядом. Наверное, поэтому я и на работу устроилась в книжный магазин.

Сьюзен вздохнула, и Мартин почувствовал, что она плачет.

– Я сожалею и очень тебе сочувствую, – сказал Мартин и сдержанно поцеловал Сьюзен.

Глава 20

На следующий день Мартин проснулся от того, что кто-то нежно гладил его по щеке. Это была Сьюзен. Он открыл глаза и взял её за руку:

– Милая, как ты?

Она печально взглянула на Мартина, поцеловала его и сказала:

– Пойдём со мной, мне нужна твоя помощь.

Из гостиной доносились приятные запахи, и сегодня комната не казалось такой мрачной и унылой, как вчера. Окно было открыто, и через него струился мягкий, тёплый свет.

– Я приготовила омлет. Мы вчера даже не ужинали. Ты, наверное, ужасно голодный.

Она пыталась казаться сильной, но глаза выдавали её. Мартин подошёл и заботливо обнял Сьюзен.

– Мне бы так хотелось защитить тебя от всех невзгод и сказать, что всё будет хорошо... Ты должна знать, что я очень люблю тебя. Жизнь часто бывает несправедлива и даже жестока, но надо жить дальше.

– Я так жалею, что меня не было рядом, когда её не стало. Возможно, я смогла бы её спасти, – с горечью ответила Сьюзен и заплакала.

Мартин обнял её крепче и, поправив волосы, погладил по голове. Он понимал, что в мире нет таких слов, с помощью которых он мог бы её утешить. Сейчас нужно было только время.

Они позавтракали, и Сьюзен отвела Мартина к Жаку. Было абсолютно понятно, что ночью он нашёл и прикончил все винные запасы, которые были припрятаны у него в комнате и в доме. Этого хватило, чтобы Жак упал на пол в беспамятстве. Вокруг валялись бутылки и обрывки бумаги. На столе стояла коробка с письмами Колеетт.

– Я даже не знала, что отец хранил письма от мамы. Я никогда их не видела, – сказала Сьюзен.

– Надо поднять его, – предложил Мартин.

Они перетащили Жака на кровать. Видимо, он пил до самого утра, от него разило, как из чанов на винодельне у Сэма.

– Его сегодня лучше не трогать, – участливо проговорил Мартин. – Будем надеяться, что хотя бы к вечеру он придёт в себя. Надо найти Луи и понять, что делать дальше. Не беспокойся ни о чём, всё будет хорошо. Оставайся пока с отцом, а я схожу за Луи, заодно повидеюсь с матерью. – Он поцеловал Сьюзен и вышел из дома.

Когда в прошлый раз Мартин прощался с Софи, он предположить не мог, что уже через несколько дней они увидятся снова. Дверь была открыта. Он вспомнил, что Луи здесь живёт с женой и что они ждут ребёнка, поэтому постарался войти как можно тише. Мартин прошёл в комнату Софии, не застав её, подумал о том, что она, скорее всего, сейчас на винограднике. Навстречу вышел Луи, он был одет в рабочую одежду пилота-ремонтника, побрит и всем своим видом выражал абсолютную готовность дисциплинированного бывшего военного выполнить любое, даже самое сложное, поручение.

– Доброе утро, Мартин! – пробасил Луи, и тот понял, что тишина совсем не обязательное условие для его беременной супруги.

– Здравствуйте, Луи, – ответил он. – Я думаю, Жак вряд ли будет в состоянии сегодня что-либо делать. Поэтому, если понадобится какая-то помощь, можете рассчитывать на меня.

Луи поблагодарил Мартина, и они вместе вышли из дома. Навстречу им шла Софи. В руках у неё была корзина со свежими гроздьями винограда.

– Это для Джулии. Ей сейчас нужны витамины, – сказала Софи, и, передав корзину Луи, повернулась к сыну: – Мартин, милый, здравствуй. Вот уж не думала, что мы так быстро с тобой

увидимся снова. – Она обняла его и добавила: – Бедная, бедная Колеетт. Жаку сейчас будет нелегко. Он не то что наш отец, хоть и бывший военный. Хорошо, что ты приехал, Мартин. Завтра состоятся похороны. Надо как-то пережить этот день.

У Мартина не было какого-то особенного плана на день. Он просто знал, что если кому-то потребуется помощь, то нужно постараться быть рядом.

Через час приехал Сэм, и они снова все вместе собрались в доме Жака. Тот по-прежнему спал в своей комнате и только время от времени постанывал во сне и громко кашлял. Софи и Сьюзен накрыли на стол, но никто не притронулся ни к пирогам, ни к чаю. Все опускали глаза, и, казалось, каждый считает себя виноватым в том, что случилось. Сэм первым прервал молчание:

– Сегодня придётся поработать подольше. Потому что завтра... – он как будто споткнулся, но потом взял себя в руки и продолжил: – Завтра к десяти часам надо будет ехать на кладбище. Я очень сожалею, Сьюзен. Простите, но, если вам что-нибудь будет нужно, только скажите.

Сэм не отличался красноречием. Это был человек дела. И поэтому, закончив говорить, он сразу же подошёл к Луи и попросил его пойти с ним на виноградник. Луи взял со стола пирог и, виновато опустив глаза, поспешил за Сэмом. Сьюзен едва сдерживала слезы. Она села за стол и, стараясь сохранять спокойствие, налила чай Мартину и Софи.

– Сейчас совсем не обязательно быть сильной, – сказала Софи, обратившись к Сьюзен и взяв её за руку. – Если хочется поплакать, то ты поплачь, будет намного легче.

Сьюзен с пониманием посмотрела на неё и мягко кивнула в ответ...

– Ну, я пойду, – сказала Софи. – Сэм наверняка уже уехал, а за Луи нужен глаз да глаз. Он ещё совсем ни в чём не разбирается.

Обняв и поцеловав Сьюзен, Софи многозначительно взглянула на сына. Затем встала и, не торопясь, направилась к выходу. Мартин понимал, что надо чем-то занять Сьюзен. Он подошёл к ней и сел напротив.

– Понимаю: что бы я ни сказал сейчас, это всё равно не поможет тебе отвлечься, – начал Мартин, – но, прошу тебя, давай просто выйдем из дома и пройдемся по винограднику. Надо жить дальше. У тебя есть отец, я, Софи. – И Мартин с сочувствием посмотрел на Сьюзен. В следующее мгновение наверху, в комнате Жака, раздался странный шум. Сьюзен прислушалась и с удивлением взглянула на Мартина. Через минуту на лестнице показался Жак. Несмотря на печальные события, он совсем не выглядел измученным или измождённым. Видимо, длительное пребывание в абсолютно бессознательном состоянии помогло ему избавиться от стресса и довольно быстро взять себя в руки.

– А, Сьюзен, вот ты где, – сказал Жак. Увидев юношу, он протянул ему руку и хриплым голосом произнёс: – Здравствуй, Мартин.

Сьюзен налила отцу чай и села рядом.

– А как там Луи? Справляется? – спросил Жак и осторожно заглянул в глаза дочери.

– Да, приезжал Сэм, и они обсудили, что необходимо сделать на винограднике, – ответила Сьюзен.

– Какой же Сэм всё-таки молодец! Не подвёл меня, – сказал Жак и, обратившись к Мартину, спросил: – А вот Луи, наверное, никуда не годится? А? Ты как думаешь?

Мартин понимал, что Жак просто храбрится, пытаясь изобразить уверенность и некую отстранённость от постигшего их семью горя.

– Да нет, почему же? – ответил он. – Луи – славный малый. Он мне очень понравился.

– Понравился, – повторил Жак. – Он же мой родственник. Вот только с военной карьерой ему не повезло. Ну что же, ничего не поделаешь. Пусть какое-то время побудет тут, отойдёт от своих неудач. Может, чему-нибудь здесь научится. Софи и Сэм уже столько ему всего рассказали. Надо узнать, что у них там.

Жак поцеловал дочь, и, глубоко вздохнув, пряча и на ходу вытирая выступившие слёзы, тяжело спустился по ступенькам веранды. Сюзен хотела пойти за ним, но Мартин остановил её:

– Не надо. Пусть немного пройдёт. Он же специально вышел из дома, чтобы отвлечься.

– Да, наверное, ты прав, – сказала Сюзен.

Мартину казалось, что Жак, глядя на дочь, в каждом жесте и в каждом слове видит и слышит Колетт, ведь Сюзен так сильно была похожа на свою мать.

– Я всё же хочу убедиться, что он в порядке и с ним всё хорошо, – сказала Сюзен и встала из-за стола.

Мартин пошёл вслед за ней. К их удивлению Жак мирно беседовал с Луи по поводу очередной обработки виноградника и о том, что через неделю надо поехать в город, чтобы закончить дела, которые были связаны с переоформлением земли.

– Он абсолютно не выглядит удручённым, – сказала Сюзен.

Судя по всему, сказывались «боевое» прошлое Жака и умение быстро выходить из стрессовых ситуаций. И, видимо, именно сейчас сработал этот такой полезный старый военный навык.

– Жак – очень сильный человек, – заметил Мартин. – Поэтому будем надеяться на лучшее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.